This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ПИСЬМА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ.

Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 13 апрѣля 1888 г.
Членомъ Коммиссіи Е. А. Пушкинымъ.

СЪ ДВУМЯ ФОТОГРАВЮРАМИ.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888 Г.

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ПИСЬМА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

Екатерины Павловны.

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ПИСЬМА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

Екатерины Павловны.

Catharine, consort of William I, King of
" Württemberg.

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ПИСЬМА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ.

Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 13 апрѣля 1888 г.
Членомъ Коммиссіи Е. А. Пушкинымъ.

СЪ ДВУМЯ ФОТОГРАВЮРАМИ.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888 Г.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

Принцесса Гольштейнъ-Ольденбургская.

Фото-гравюра Шерер, Набгольцъ и К°

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны.

Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 13 апрѣля 1888 года Членомъ Коммиссіи Е. А. Пушкинымъ.

Тверской историческій музей, имѣющій главнѣйшею своею задачею розысканіе и сохраненіе для потомства всѣхъ памятниковъ, въ той или другой степени освѣщающихъ и объясняющихъ различные историческіе моменты, въ которыхъ родной его губерніи приходилось играть какую либо роль,—обладаетъ въ настоящее время нѣсколькими документами, относящимися къ одному изъ наиболѣе свѣтлыхъ періодовъ исторіи Тверской губерніи, когда она находилась подъ главнымъ управленіемъ супруга Великой Княгини Екатерины Павловны, принца Георга (Петра-Фридриха) Голштейнъ Ольденбургскаго. Эти документы—подлинныя письма Великой Княгини къ знаменитому русскому исторіографу Н. М. Карамзину и къ адъютанту принца, князю Василію Петровичу Оболенскому.

Первыя изъ этихъ писемъ, въ количествѣ 27, принесенныя въ даръ музею Александромъ Николаевичемъ Карамзинымъ въ іюлѣ 1881 г., были уже напечатаны въ книгѣ, подъ названіемъ «Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина» (Спб. 1862 г. ч. I, стр. 85—125), не существующей въ продажѣ и сдѣлавшейся въ настоящее время библіографическою рѣдкостью. Большая часть этихъ писемъ

Великая княжна
ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА
Герцогиня Ольденбургская.

Catharine, consort of William I, King
" Württemberg.

ТВЕРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

ПИСЬМА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ.

Читано въ засѣданіи Тверской Ученой Архивной Коммиссіи 13 апрѣля 1888 г.
Членомъ Коммиссіи Е. А. Пушкинымъ.

СЪ ДВУМЯ ФОТОГРАВЮРАМИ.

ТВЕРЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888 Г.

LR

DK190.6
.C2A3

Дозволено цензурой 30-го мая 1888 года.

цѣликомъ изложена на французскомъ языкѣ и въ такомъ видѣ напечатана въ помянутомъ изданіи. Это обстоятельство, главнымъ образомъ, вынудило насъ перепечатать вновь всѣ письма Великой Княгини Екатерины Павловны съ присовокупленіемъ къ нимъ перевода на русскій языкъ текста тѣхъ изъ нихъ, которыя первоначально были напечатаны на французскомъ языкѣ, при чемъ переводъ сдѣланъ по возможности близкимъ къ тексту. Подлинники писемъ Великой Княгини къ князю В. П. Оболенскому, писанныя на французскомъ языкѣ, были принесены въ даръ Тверскому историческому музею княгиней Софьей Васильевной Мещерской, дочерью того лица, къ коему онѣ были адресованы, и хотя онѣ, въ свою очередь, были также уже напечатаны въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издававшемся Н. В. Калачевымъ (1860—1861 годъ, т. II), но въ виду малой распространенности этого изданія и несомнѣнно важнаго историческаго ихъ значенія, Тверской музей счелъ нужнымъ вновь напечатать ихъ въ новомъ исправленномъ переводѣ и присоединить къ нимъ два неизданные документа, полученные также отъ княгини С. В. Мещерской и состоящіе: 1) изъ записки Великой Княгини къ банкиру Бухману отъ 19 іюня и 2) изъ письма принца Георга къ князю В. П. Оболенскому отъ 17 января 1811 года.

Прежде чѣмъ говорить о содержаніи и значеніи печатаемыхъ нынѣ документовъ, мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и князѣ В. П. Оболенскомъ.

Великая Княгиня Екатерина Павловна была четвертая изъ дочерей Императора Павла I-го отъ брака его съ принцессою Виртембергскою Маріей Ѳеодоровной. Родилась она въ Царскомъ Селѣ 10-го мая 1788 г. и скончалась 28-го декабря 1818 г., отъ мозговаго удара, на тридцать первомъ году своей жизни, въ Штутгардтѣ, гдѣ и погребена. Въ напечатанныхъ въ 1835 году, запискахъ француза Домерга (La Russie pendant

les guerres de l' Empire 1805—1815), имѣется разсказъ о томъ, какъ Коленкуръ, назначенный въ 1808 году французскимъ посланникомъ въ С.-Петербургъ, получилъ секретную инструкцію весьма щекотливаго свойства, развѣдать о томъ, какъ относится русскій дворъ къ предположенію о бракѣ Наполеона съ Великою Княгинею Екатериною Павловной. Исполняя это порученіе, Коленкуръ, какъ-бы невзначай, завелъ однажды разговоръ съ вдовствующей Императрицею о томъ, какое значеніе должно придавать снамъ, и передалъ при этомъ, съ разными предосторожностями, что видѣлъ наканунѣ во снѣ, что Наполеонъ проситъ руки Великой Княжны Екатерины Павловны. На это Императрица Марья Ѳеодоровна отвѣтила Коленкуру тономъ, который не могъ не смутить его:

— Господинъ посланникъ, вы знаете, что сны лгутъ.

Не смотря на формулированный подобнымъ образомъ отказъ, извѣстно, что на эрфуртскомъ свиданіи государей, (27 сентября—14 октября 1808 г.), Великая Княжна получила оффиціальное предложеніе о бракѣ съ Наполеономъ, переданное Императору Александру I-му Талейраномъ, на которое послѣдовалъ оффиціальный-же отказъ Императора, содѣйствовавшій, какъ извѣстно, раздраженію Наполеона противъ русскаго правительства. [1])

Если признать за приводимыми Домергомъ разсказами нѣкоторую долю достовѣрности, то казалось-бы, что энергическая дѣятельность, которую впослѣдствіи Великая Княгиня Екатерина Павловна проявила въ личномъ изысканіи средствъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, какъ это усматривается и изъ приводимыхъ ниже писемъ ея къ князю Оболенскому, свидѣтельствуетъ о томъ, что она вполнѣ раздѣляла мнѣніе своей августѣйшей родительницы о предполагавшемся бракѣ.

Еще въ 1807 г., для Великой Княжны имѣлись въ виду три партіи: принцъ баварскій, принцъ виртембергскій и одинъ изъ сыновей эрцгерцога австрійскаго Фердинанда: уст-

[1]) Рус. архив., 1885 г. I стр. 479. Изъ дневника графини Фосъ.

роить это дѣло вдовствующею Императрицею было спеціально возложено на графа Головина. [1]) Но такъ какъ возложенная на послѣдняго миссія не привела къ соглашенію между русскимъ и иностранными дворами, то въ 1809 г, 1-го января Великая Княжна была обручена съ принцемъ Ольденбургскимъ, а 18-го апрѣля состоялась свадьба, вскорѣ послѣ которой новобрачные отправились въ г. Тверь, назначенный мѣстомъ пребыванія управленія путей сообщенія, генералъ-директоромъ коего состоялъ принцъ Ольденбургскій, соединившій съ этими назначеніями званіе генералъ-Губернатора Тверскаго, Новгородскаго и Ярославскаго, т. е. тѣхъ трехъ губерній, чрезъ которые проходили главные рѣчные пути сообщеній или системы: Вышневолоцкая, Тихвинская и Маріинская. [2]) Назначеніе Твери мѣстомъ постояннаго пребыванія любимой сестры Государя Александра Павловича объясняется, между прочимъ и тѣмъ, что этотъ городъ въ то время считался еще однимъ изъ красивѣйшихъ въ Россіи. Сравнительно, не задолго до 1809 года, а именно, въ 1775 году, Императрица Екатерина II въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму выражается такъ о Твери: «Tver, aprés Pétersbourg, est la plus jolie ville de l'empire». [3])

Пребываніе Великой Княгини въ Твери, ознаменованное цѣлымъ рядомъ добрыхъ дѣлъ ея и мудрымъ правленіемъ ея супруга, повидимому оставило неизгладимый слѣдъ въ воспоминаніяхъ Великой Княгини Екатерины Павловны.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма ея къ Н. М. Карамзину, въ которыхъ она отзывается о Твери въ такихъ выраженіяхъ: «notre bien-aimée Tver», [4]) «милый городъ», [5])

---

[1]) Инструкція графу Головину 29 декабря 1807 года. Рус. Старина, 1877 г., кн. XII стр. 668.

[2]) Д. И. Завалишинъ. Тысяча восемьсотъ двѣнатцатый годъ. Изъ воспоминаній современника. Моск. вѣдомости 1884 г., № 51.

[3]) Письма Императрицы Екатерины II къ Гримму стр. 13.

[4]) Письмо отъ 12 апрѣля 1811 г. С.-Петерб.

[5]) Письмо отъ 14 іюля того же года.

«тихая любезная Тверь» [1]) «Me voilà depuis deux jours dans mon séjour favori, que j'ai revu avec joie; il est rempli de souvenirs chers à mon coeur, j'y ai joui du bonheur le plus pur». [2])

Карамзинъ въ первый разъ посѣтилъ высокую чету въ началѣ 1809 года, вскорѣ послѣ того, какъ познакомился у гр. Растопчина въ Москвѣ съ Великою Княгинею, которая осыпала его ласками и пригласила къ себѣ въ Тверь. Онъ пробылъ тогда въ этомъ городѣ шесть дней и читалъ по вечерамъ свою исторію Великой Княгинѣ и В. К. Константину Павловичу. [3]) Великая Княгиня возъимѣла въ это время мысль предоставить Карамзину мѣсто Тверскаго губернатора, предполагая, что занятія по этой должности не будутъ препятствовать ему въ его историческихъ трудахъ, но Карамзинъ отвѣтилъ, что онъ не готовилъ себя къ этой должности и потому будетъ и дурнымъ губернаторомъ, и дурнымъ историкомъ. [4]) Въ томъ-же году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Карамзинъ вторично ѣздилъ въ Тверь. Въ письмѣ своемъ къ брату, отъ 13-го декабря, онъ пишетъ: «недавно былъ я въ Твери и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери и всякій день были у нея. Она хотѣла, чтобы мы въ другой разъ пріѣзжали туда съ дѣтьми». [5])

Въ эту поѣздку, по свидѣтельству Погодина, Великая Княгиня, очарованная Карамзинымъ, попросила его высказать ей свои мысли о состояніи Россіи и о мѣрахъ, предпринимавшихся въ то время правительствомъ; «братъ мой, говорила она, достоинъ ихъ слышать». Осуществленіе Ка-

[1]) Письмо отъ 17 августа того же года.

[2]) Письмо отъ 21 ноября того же года.

[3]) Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи, съ примѣчаніями и объясненіями М. Погодина. М. 1866 г. т. II стр. 58.

[4]) Тамъ же, стр. 61.

[5]) Тамъ же, стр. 68.

Фото-гравюра Шерер, Набгольцъ и К°въ Москвѣ.

ДВОРЕЦЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВЪ ГОРОДѢ ТВЕРИ.

«Въ 1808 году [1]) въ Тверь пріѣхала на житье Великая Княгиня Екатерина Павловна съ принцемъ-супругомъ, котораго Государь Александръ Павловичъ назначилъ генералъ-губернаторомъ надъ тремя губерніями: Тверскою, Ярославскою и Новгородскою. Поселились они въ Тверскомъ дворцѣ. Великая Княгиня была изъ себя красавица: темноволосая, съ темно-синими глазами, бѣлая и скоро говорила. Ее очень всѣ любили за обходительный нравъ. Часто она давала балы во дворцѣ и одинаково привѣтливо принимала и дворянина, и купца, и даже молоденькаго офицера; просила, чтобы всѣ веселились у нея безъ чиновъ. Это была любимая сестра Александра Павловича и онъ нерѣдко гащивалъ у нея въ Твери недѣли по три. При немъ особенно веселились. Въ пасху было заведено, чтобы послѣ обѣдни всѣ шли во дворецъ; Великая Княгиня христосовалась съ каждымъ и каждому яйцо давала. По русски говорила она отлично. Въ ту пору губернаторша была Ушакова; та какъ-то и скажи въ обществѣ: «странно, право, слышать, какъ хорошо Великая Княгиня русскимъ языкомъ владѣетъ», а у Княгини-то была любимая фрейлина Арсеньева, она и передай ей слова Ушаковой. На первомъ же выходѣ, Великая Княгиня подошла къ ней и говоритъ: «удивляюсь, Варвара Петровна, что вы страннаго нашли, что я, русская, хорошо говорю по-русски?» Ко дню ангела Екатерины Павловны все Тверское общество купцовъ выписало изъ Парижа голубое, вышитое креповое платье и поднесло ей въ подарокъ. Та приняла платье, очень благодарила и сказала, что надѣнетъ его, если Государь пріѣдетъ. Александръ Павловичъ прикатилъ прямо къ балу... Тверскія окрестности очень нравились Александру Павловичу; особенно полюбился ему видъ въ селѣ Каменкѣ, что въ 20

[1]) Г-жа Свѣтогорова несомнѣнно ошибается. Великая Княгиня переѣхала въ Тверь не въ 1808, а въ 1809 году. Въ имѣющейся въ Тверскомъ Историческомъ Музеѣ рукописной „Памятной книгѣ Тверскихъ купцовъ Томиловыхъ за 1809 годъ“ отмѣчено: „августа 30-го къ вечеру Ихъ Высочества прибыли прямо во дворецъ, который былъ совсѣмъ уже отдѣланъ“.

рамзинымъ, даннаго имъ по этому предмету, обѣщанія, крайне интересовало Великую Княгиню, какъ это видно изъ ея писемъ отъ 14-го декабря 1810 и 5-го января 1811 года (№№ IV и V). Написавъ свою знаменитую «записку» съ эпиграфомъ изъ псалма «нѣсть лести въ языцѣ моемъ», Карамзинъ лично повезъ ее въ Тверь въ началѣ февраля 1811 года. 19 числа этого мѣсяца онъ писалъ И. И. Дмитріеву: «только въ нынѣшнюю ночь возвратились мы изъ Твери, гдѣ жили двѣ недѣли, какъ въ очарованномъ замкѣ. Не могу изъяснить тебѣ, сколь Великая Княгиня и Принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго, имѣвъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣскольку часовъ, между нашихъ историческихъ чтеній. Великая Княгиня въ веселомъ состояніи была-бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, а Принцъ имѣетъ ангельскую доброту и знанія необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ. Не отвѣчаю за будущее, но теперь милостивое ко мнѣ расположеніе сей августѣйшей четы составляетъ одно изъ главныхъ утѣшеній моей жизни». Нѣсколькими днями позже, 28 февраля, онъ увѣдомляетъ брата о томъ-же въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я съ женою былъ опять въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Великой Княгини и Принца. Они осыпали насъ ласками и мы всякій день бывали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія». [1])

«Записка» Карамзина повидимому произвела глубокое впечатлѣніе на умъ Великой Княгини, которая, по окончаніи чтенія, оставила ее у себя, съ намѣреніемъ, при удобномъ случаѣ, показать ее своему августѣйшему брату. Дѣйствовать при этомъ приходилось во всякомъ случаѣ съ большою осторожностью, потому что произведеніе Карамзина было изъ числа такихъ, которыя не могли произвести благопріятнаго

[1]) Тамъ же стр, 77.

тутъ, сестра, говорилъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ, маленькій Петергофъ». Народу на этомъ праздникѣ было не-вѣсть что: изъ деревень пришли, собрались помѣщики со всей губерніи. Угощеніе лилось рѣкою. Веселились до пяти часовъ утра и назадъ отправились опять по Волгѣ, въ лодкахъ съ музыкою и съ пѣснями. Въ 1810 году, въ самый Духовъ день, Великая Княгиня Екатерина Павловна, назначила балъ у себя во дворцѣ...» [4])

15 декабря 1812 года, Великая Княгиня лишилась въ Твери своего супруга. Отъ этого брака, у нея было два сына: Фридрихъ-Павелъ-Александръ, родившійся 30 августа 1810 года въ Павловскѣ и умершій 4 ноября 1829 года, и Константинъ-Фридрихъ-Петръ (Петръ Георгіевичъ), родившійся въ г. Ярославлѣ 26 августа 1812 года и скончавшійся 2-го мая 1881 года.

Овдовѣвъ, Великая Княгиня отправилась за границу и здѣсь, 28 декабря 1815 года, сочеталась новымъ бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, который 18 октября 1816 года, въ самый день рожденія своей первой дочери, Маріи-Фридерики-Шарлоты, (вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа Нейпергскаго), вступилъ на Виртембергскій престолъ. Вторая дочь Великой Княгини отъ брака ея съ принцемъ Виртембергскимъ, Софія-Фредерика-Марія, вышла замужъ за Вильгельма III, Короля Нидерландскаго.

Вотъ какъ описываетъ Великую Княгиню, въ своихъ воспоминаніяхъ, лично знавшая ее, графиня Эделингъ, урожденная гр. Стурдза: «Она лишь промелькнула на землѣ, хотя ей были даны всѣ качества, необходимыя для того, чтобы долговременно украшать ее. Екатерина Павловна, любимая сестра Императора Александра, позднѣе королева Виртембергская, могла очаровать всякаго и господствовать надъ всѣми, что ее окружало. Прекрасная и свѣжая какъ

[4]) Изъ разсказовъ старушки о Твери, „Учено-литературное прибавленіе къ Биржевымъ вѣдомостямъ, сентябрь 1866 годъ, стр. 2—4“.

роятности, утромъ въ день его отъѣзда, т. е. 19 марта. Графъ Блудовъ лично передавалъ Погодину, что Государь былъ огорченъ вслѣдствіе того, что ему тяжело было услышать осужденіе своихъ дѣйствій предъ любимою сестрою. [1])

Великая Княгиня уладила впослѣдствіи, хотя и не скоро, это охлажденіе своего брата къ знаменитому исторіографу. За то послѣдній отъ всего сердца любилъ и почиталъ Великую Княгиню, которую онъ называлъ «Тверской полубогиней». [2]) Въ письмахъ къ его брату имѣются многочисленныя свидѣтельства, подтверждающія это расположеніе Карамзина къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Такъ въ письмѣ отъ 1 мая, онъ пишетъ: «люблю ее душевно и признателенъ ко всѣмъ ея милостямъ»; въ письмѣ отъ 30 мая: «мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь (это уже четвертая поѣздка исторіографа) дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользоваться милостью прелестной Великой Княгини, однакожь грустно разставаться съ малютками, да и моя исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма и желаетъ познакомить меня съ отцемъ Принца, который теперь у нихъ гоститъ. Человѣкъ рѣдко-умный и добродѣтельный». [3])

По кончинѣ Принца-супруга, Карамзинъ не прерывалъ своихъ сношеній съ Великою Княгинею, какъ это видно изъ печатаемыхъ ниже писемъ ея. Послѣдній разъ они видѣлись въ февралѣ и мартѣ 1816 г. въ Петербургѣ, гдѣ Великая Княгиня съ своей обычною добротою являлась посредницею между нимъ и Государемъ Александромъ Павловичемъ.

Мы нашли въ воспоминаніяхъ г-жи Свѣтогоровой слѣдующее безхитростное описаніе времени пребыванія Екатерины Павловны въ Твери:

[1]) Тамъ же, стр. 81.
[2]) Тамъ же, стр. 86.
[3]) Тамъ же, стр. 85.

изведенъ въ прапорщики въ 1785 году; уволенъ отъ службы маіоромъ въ 1792 году. Вновь вступилъ на службу маіоромъ 1801 года въ Олонецкій мушкатерный полкъ, откуда переведенъ сначала въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ 1806 году, гдѣ произведенъ въ подполковники въ 1810 году, а затѣмъ, 4 октября 1811 года, въ Лейбъ-Гвардіи уланскій полкъ, съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ адъютантомъ къ принцу Ольденбургскому. 12 декабря 1812 года назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ прежней должности, и, наконецъ, въ февралѣ 1813 года, назначенъ шефомъ 3-го Украинскаго казачьяго полка, который былъ сформированъ имъ по мысли и на средства Великой Княгини Екатерины Павловны. Изъ формулярнаго списка князя В. П. Оболенскаго видно, что съ самаго основанія этого полка и въ продолженіе всей отечественной войны, князь Оболенскій участвовалъ во многихъ генеральныхъ и малыхъ сраженіяхъ противъ непріятеля, ретировавшагося въ это время изъ предѣловъ Имперіи. Такъ, находясь въ составѣ корпуса, находившагося подъ командою генерала Винценгероде, князь Оболенскій, въ сраженіи при Калишѣ 1 февраля 1813 г. былъ посланъ въ селеніе Скаржево, гдѣ отрѣзалъ дорогу непріятельскому отряду, бывшему подъ командою генерала Ностица, котораго заставилъ сдаться въ плѣнъ съ двумя баталіонами, двумя пушками и однимъ знаменемъ. Въ томъ же году, находясь въ летучемъ отрядѣ, подъ командою генералъ-маіора Ланскаго, 3-й Украинскій полкъ, съ своимъ шефомъ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Вейсенфельдѣ, Люценѣ и Бауценѣ. Затѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, означенный полкъ былъ назначенъ въ составъ корпуса генерала Сантъ-Пріеста (Saint-Priest), съ коимъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Рейхенбахѣ, Гермахъ и Лаубенѣ. 7 августа 3-й Украинскій казачій полкъ геройски защищалъ переправу нашего авангарда чрезъ рѣку Бобръ; находясь затѣмъ въ авангардѣ корпуса генералъ-лей-

верстахъ отъ города по волоколамской дорогѣ... Разъ Государь отправился, по обыкновенію, съ утра, на дрожкахъ въ одну лошадку, за городъ и запоздалъ. Екатерина Павловна сѣла завтракать безъ него. Кончила она завтракъ, а Государь все не ѣдетъ Тутъ она не выдержала: день-то былъ жаркій, вышла изъ дворца въ одномъ платьѣ, взошла по лѣстницѣ на крѣпостной валъ и сѣла на ступеньки ждать брата. Много-ли времени прошло, не знаю; подъѣхалъ Государь къ крѣпостнымъ воротамъ, а она, моя голубушка, и стала ему сѣтовать. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ, да и говоритъ съ улыбкою: «неужто ты думала, сестра, что со мной въ Твери можетъ что случиться». Въ 1809 г. [1]) давали Государю и Великой Княгинѣ балъ. Это было 4 іюля; погода стояла отличная, вокзалъ [2]) отдѣлали на славу. Стѣны бесѣдки обили французскими, цѣнными штофами и убрали ее всю цвѣтами. Померанцевыя, лимонныя деревья въ кадкахъ выписали изъ Москвы, а дубы перевезли изъ Кашина и Зубцова, да такъ рядами и поставили. Хрустальный столовый сервизъ, въ золотой оправѣ, дорогіе фрукты, конфекты, вина, все было выписано изъ столицъ. Государь, съ Великой Княгиней и съ придворными, пріѣхали изъ дворца по Волгѣ въ яхтѣ; за ними плыли ладьи съ музыкантами и пѣсенниками изъ мѣщанъ. Какъ только Государь взошелъ на берегъ, матушка моя, Анна Петровна Свѣтогорова, съ поклонами, подала ему на серебряномъ подносѣ шампанское въ петровскомъ ковшѣ... [3]) Императору балъ очень полюбился... Когда стемнѣло, зажгли всюду иллюминацію, а по ту сторону Волги, прямо насупротивъ бесѣдки, пустили великолѣпный фейерверкъ; тамъ-же горѣлъ щитъ съ вензелями Государя и Великой Княгини. Александръ Павловичъ былъ чрезвычайно веселъ. «У тебя

[1]) Здѣсь такъ же ошибка въ годѣ: вмѣсто 1809, слѣдуетъ, по всѣму вѣроятію, 1810 или 1811 годъ.

[2]) Садъ на окраинѣ города съ большею каменною бесѣдкою; нынѣ паровая мукомольная мельница братьевъ Коняевыхъ.

[3]) Этотъ ковшъ, по преданію, пожалованъ Тверскому купцу Арефьеву.

тутъ, сестра, говорилъ онъ Екатеринѣ Павловнѣ, маленькій Петергофъ». Народу на этомъ праздникѣ было не-вѣсть что: изъ деревень пришли, собрались помѣщики со всей губерніи. Угощеніе лилось рѣкою. Веселились до пяти часовъ утра и назадъ отправились опять по Волгѣ, въ лодкахъ съ музыкою и съ пѣснями. Въ 1810 году, въ самый Духовъ день, Великая Княгиня Екатерина Павловна, назначила балъ у себя во дворцѣ...» [4])

15 декабря 1812 года, Великая Княгиня лишилась въ Твери своего супруга. Отъ этого брака, у нея было два сына: Фридрихъ-Павелъ-Александръ, родившійся 30 августа 1810 года въ Павловскѣ и умершій 4 ноября 1829 года, и Константинъ-Фридрихъ-Петръ (Петръ Георгіевичъ), родившійся въ г. Ярославлѣ 26 августа 1812 года и скончавшійся 2-го мая 1881 года.

Овдовѣвъ, Великая Княгиня отправилась за границу и здѣсь, 28 декабря 1815 года, сочеталась новымъ бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, который 18 октября 1816 года, въ самый день рожденія своей первой дочери, Маріи-Фридерики-Шарлоты, (вышедшей впослѣдствіи замужъ за графа Нейпергскаго), вступилъ на Виртембергскій престолъ. Вторая дочь Великой Княгини отъ брака ея съ принцемъ Виртембергскимъ, Софія-Фредерика-Марія, вышла замужъ за Вильгельма III, Короля Нидерландскаго.

Вотъ какъ описываетъ Великую Княгиню, въ своихъ воспоминаніяхъ, лично знавшая ее, графиня Эделингъ, урожденная гр. Стурдза: «Она лишь промелькнула на землѣ, хотя ей были даны всѣ качества, необходимыя для того, чтобы долговременно украшать ее. Екатерина Павловна, любимая сестра Императора Александра, позднѣе королева Виртембергская, могла очаровать всякаго и господствовать надъ всѣми, что ее окружало. Прекрасная и свѣжая какъ

[4]) Изъ разсказовъ старушки о Твери, „Учено-литературное прибавленіе къ Биржевымъ вѣдомостямъ, сентябрь 1866 годъ, стр. 2—4".

Геба, она умѣла и очаровательно улыбаться, и проникать въ душу своими взорами. Глаза у нея искрились умомъ и веселостью; они вызывали на довѣріе и завладѣвали онымъ. Естественная, одушевленная рѣчь и здравая разсудительность сообщали ей своеобразную прелесть. Въ семействѣ ее обожали, и она чувствовала, что, оставаясь въ Россіи, она могла играть блестящую роль. Послѣ Тильзитскаго мира, Наполеонъ предложилъ бы ей свою руку, если бы его сколько нибудь обнадежили въ успѣхѣ такого предложенія. Государь догадался о томъ и предупредилъ сестру; но она была слишкомъ горда, чтобы стать на мѣсто Жозефины, поспѣшила заявить, что ея намѣреніе никогда не покидать родины, и тотчасъ же приняла предложеніе Герцога Ольденбургскаго». «Государь осыпалъ сестру своими милостями: ей удвоено было содержаніе, а герцогу отдана въ управленіе одна изъ лучшихъ въ государствѣ областей. Тамъ они жили счастливо, окруженные дворомъ...» Великая Княгиня «старалась привлекать къ себѣ замѣчательныхъ людей, и они являлись выразить ей почтеніе». [1])

Самымъ лучшимъ подтвержденіемъ восторженныхъ отзывовъ современниковъ о В. К. Екатеринѣ Павловнѣ служатъ печатаемыя ниже письма ея къ Н. М. Карамзину, въ коихъ личность ея обрисовывается во всей ея нравственной красотѣ. Письма эти дышатъ простотою, умомъ и задушевностью; будучи адресованы къ лицу, котораго Великая Княгиня высоко цѣнила за его умъ, образованіе и любовь къ родинѣ, они отличаются скромностію и глубокимъ патріотизмомъ, свидѣтельствуя въ тоже время о необыкновенной живости и любознательности ихъ автора, постоянно сѣтующаго въ нихъ на недостатокъ времени для удовлетворенія вѣчнаго стремленія къ пріобрѣтенію новыхъ научныхъ познаній...

Князь Василій Петровичъ Оболенскій въ службу вступилъ сержантомъ въ Нарвскій пѣхотный полкъ въ 1783 г., про-

[1]) Изъ записокъ графини Эделингъ. Рус. Архивъ, 1887 г. I стр. 215—216.

изведенъ въ прапорщики въ 1785 году; уволенъ отъ службы маіоромъ въ 1792 году. Вновь вступилъ на службу маіоромъ 1801 года въ Олонецкій мушкатерный полкъ, откуда переведенъ сначала въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ 1806 году, гдѣ произведенъ въ подполковники въ 1810 году, а затѣмъ, 4 октября 1811 года, въ Лейбъ-Гвардіи уланскій полкъ, съ производствомъ въ полковники и съ назначеніемъ адъютантомъ къ принцу Ольденбургскому. 12 декабря 1812 года назначенъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ въ прежней должности, и, наконецъ, въ февралѣ 1813 года, назначенъ шефомъ 3-го Украинскаго казачьяго полка, который былъ сформированъ имъ по мысли и на средства Великой Княгини Екатерины Павловны. Изъ формулярнаго списка князя В. П. Оболенскаго видно, что съ самаго основанія этого полка и въ продолженіе всей отечественной войны, князь Оболенскій участвовалъ во многихъ генеральныхъ и малыхъ сраженіяхъ противъ непріятеля, ретировавшагося въ это время изъ предѣловъ Имперіи. Такъ, находясь въ составѣ корпуса, находившагося подъ командою генерала Винценгероде, князь Оболенскій, въ сраженіи при Калишѣ 1 февраля 1813 г. былъ посланъ въ селеніе Скаржево, гдѣ отрѣзалъ дорогу непріятельскому отряду, бывшему подъ командою генерала Ностица, котораго заставилъ сдаться въ плѣнъ съ двумя баталіонами, двумя пушками и однимъ знаменемъ. Въ томъ же году, находясь въ летучемъ отрядѣ, подъ командою генералъ-маіора Ланскаго, 3-й Украинскій полкъ, съ своимъ шефомъ, участвовалъ въ сраженіяхъ при Вейсенфельдѣ, Люценѣ и Бауценѣ. Затѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, означенный полкъ былъ назначенъ въ составъ корпуса генерала Сантъ-Пріеста (Saint-Priest), съ коимъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Рейхенбахѣ, Гермахъ и Лаубенѣ. 7 августа 3-й Украинскій казачій полкъ геройски защищалъ переправу нашего авангарда чрезъ рѣку Бобръ; находясь затѣмъ въ авангардѣ корпуса генералъ-лей-

тенанта Концевича, этотъ полкъ имѣлъ ежедневныя стычки съ врагомъ и нерѣдко ходилъ въ аттаку на непріятельскія колонны, которыя должны были отступать съ урономъ. За дѣло при Гольдбергѣ, происходившее 11 августа, князь Оболенскій былъ произведенъ въ генералъ маіоры и, находясь все время съ своимъ полкомъ въ авангардѣ, участвовалъ въ преслѣдованіи непріятеля по всей Силезіи и Саксоніи, отрѣзывалъ ему отступленіе, взялъ въ плѣнъ множество плѣнныхъ и обозовъ, а 16 числа того же мѣсяца участвовалъ при истребленіи и взятіи цѣлой непріятельской дивизіи подъ командою генерала Пиожо. 4 и 6 октября, въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, взялъ съ полкомъ 6 французскихъ орудій, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, прусскимъ Краснаго Орла 2-й степени и шведскимъ Меча. Въ декабрѣ, 3-й Украинскій казачій полкъ находился въ составѣ войскъ, блокировавшихъ г. Майнцъ, и, наконецъ, вступалъ въ Парижъ въ 1814 году. Изъ этого сухаго перечня тѣхъ дѣлъ и сраженій, въ которыхъ участвовалъ означенный полкъ и одержанныхъ имъ успѣховъ, можно судить насколько плодотворною оказалась, при осуществленіи, мысль Великой Княгини, о сформированіи особыхъ кавалерійскихъ полковъ, предназначавшихся для дѣйствій въ авангардѣ русской арміи.

Изъ того же формулярнаго списка В. П. Оболенскаго видно, что онъ былъ женатъ на дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника [2]) графинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной. По поводу полученнаго имъ образованія, князь Оболенскій, въ всеподданнѣйшемъ прошеніи объ отставкѣ самъ говоритъ слѣдующее: «россійской, нѣмецкой и французской грамотѣ—читать и писать умѣю, ариѳметику, геометрію, алгебру, географію и исторію знаю». Князь Оболен-

[2]) Знаменитаго мецената и археолога графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

скій, согласно его прошенію, былъ уволенъ отъ службы по болѣзни въ 1822 году.

Печатаемыя здѣсь вновь письма Великой Княгини Екатерины Павловны къ князю Оболенскому свидѣтельствуютъ о томъ энергическомъ, почти страстномъ участіи, какое принимала Великая Княгиня въ организаціи народной обороны во время отечественной войны 1812 г., когда одушевленные опасностью, въ которой находилась страна отъ борьбы, объявленной ей сильнымъ врагомъ, народъ русскій и державный его вождь одинаково нуждались въ увѣренности относительно возможности успѣшнаго исхода этой борьбы. Слѣдовало, поэтому, не теряя ни минуты, поддержать это патріотическое возбужденіе русскаго народа и постараться въ немъ же самомъ отыскать средство для противопоставленія всѣхъ народныхъ силъ многочисленной союзной арміи противника. Руководимая этой мыслью, Великая Княгиня, въ первомъ изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ, изложенномъ въ видѣ памятной записки, поручаетъ князю Оболенскому передать градоначальнику Москвы графу Ростопчину о необходимости предоставить починъ въ организаціи народнаго ополченія этому городу, при посредствѣ московскаго дворянства, стоявшаго всегда во главѣ всякаго патріотическаго движенія въ русскомъ народѣ. Не смотря на непоколебимую увѣренность въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія, Великая Княгиня предвидитъ, что такой великій скептикъ, какъ графъ Ростопчинъ, найдетъ возраженія противъ возможности осуществленія ея проэкта, старается поэтому заранѣе предугадать эти возраженія и даетъ своему посланному указанія, какъ слѣдуетъ отвѣчать на нихъ.

Хотя время составленія этой записки и неизвѣстно, но надобно полагать, что поѣздка князя Оболенскаго въ Москву состоялась вскорѣ послѣ объявленія войны, т. е. въ такое время, когда графъ Ростопчинъ, какъ извѣстно, не допускалъ и мысли о возможности отступленія русской арміи и занятія Москвы непріятелемъ. Этой увѣренностью его въ

возможность одолѣть врага при помощи тѣхъ военныхъ средствъ, которыя находились въ распоряженіи предводителей русской арміи, и объясняется, повидимому, то обстоятельство, что миссія князя Оболенскаго не имѣла успѣха: графъ Ростопчинъ очевидно отказался привести въ исполненіе проэктъ Великой Княгини.

Второе письмо, датированное 7-го іюня 1812 года, указываетъ на то, что Великая Княгиня, не найдя поддержки въ Московскомъ градоначальникѣ, не остановилась въ осуществленіи своего проэкта и привела его въ исполненіе другимъ путемъ, испросивъ согласіе Государя на сформированіе отдѣльныхъ полковъ ополченія на свои собственныя средства и на пожертвованія тѣхъ лицъ, которыя были привлечены ею къ участію въ исполненіи задуманнаго ею плана. О томъ же свидѣтельствуетъ и третья записка Великой Княгини Екатерины Павловны, въ которой она поручаетъ банкиру Бухману передать князю Оболенскому 25 т. руб. для употребленія по назначенію извѣстному князю и Великой Княгинѣ.

Наконецъ, четвертый изъ печатаемыхъ документовъ составляетъ письмо супруга Великой Княгини Принца Георга Ольденбургскаго къ князю Оболенскому, указывающее на ту степень расположенія, коимъ князь имѣлъ счастіе пользоваться у Принца, при особѣ коего онъ состоялъ.

Всѣ эти документы имѣютъ несомнѣнное историческое значеніе, какъ объясняющіе участіе Великой Княгини Екатерины Павловны въ организаціи народнаго ополченія въ 1812 году; для Тверскаго историческаго музея они вдвойнѣ драгоцѣнны въ виду того, что почти вся жизнь Великой Княгини въ супружествѣ ея съ Принцемъ Ольденбургскимъ протекла въ городѣ Твери, сохранившемъ до настоящаго времени самыя свѣтлыя воспоминанія объ этомъ знаменательномъ событіи въ его исторіи. Въ виду сего, понятно то ревностное усердіе, съ которымъ устроитель этого музея и предсѣдатель мѣстной ученой архивной комиссіи д. с. с.

А. К. Жизневскій употребляетъ всѣ усилія для сосредоточенія въ музеѣ возможно большаго числа памятниковъ, относящихся къ означенной эпохѣ.

Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, въ память той связи, которою соединяется съ Тверью имя его бабки, Великой Княгини Екатерины Павловны, уже изволилъ милостиво отнестись къ этому законному чувству Тверитянъ и въ февралѣ 1882 года прислалъ въ даръ историческому музею прекрасный миніатюрный портретъ Великой Княгини, который занялъ въ немъ почетное мѣсто, на ряду съ другими, къ сожалѣнію, пока еще немногочисленными памятниками пребыванія Ея Высочества въ г. Твери. Въ Тверскомъ Историческомъ Музеѣ имѣется и другой портретъ Великой Княгини Екатерины Павловны, писанный масляными красками, величиною 10 вершковъ въ квадратѣ, принесенный въ даръ музею А. М. Унковскимъ, а имъ полученный отъ его отца, М. А., бывшаго Тверскимъ исправникомъ въ 1813 году и получившаго этотъ портретъ лично отъ Великой Княгини. На оборотѣ этого портрета имѣется собственноручная надпись Великой Княгини: «1813 годъ», свидѣтельствующая о томъ печальномъ для города Твери времени, когда Великая Княгиня Екатерина Павловна, похоронивъ своего супруга, оставила этотъ городъ, осчастливленный ея трехлѣтнимъ пребываніемъ въ немъ.

Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская, въ свою очередь, изволила осчастливить Тверское благотворительное общество Доброхотной Копѣйки принятіемъ его и учрежденнаго имъ ремесленнаго училища подъ августѣйшее свое покровительство.

Е. А. Пушкинъ.

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны и Принца Георга Ольденбургскаго къ князю В. П. Оболенскому.

Памятная записка Великой Княгини Екатерины Павловны адъютанту Принца Ольденбургскаго князю Василію Петровичу Оболенскому.

Dites au comte Rastoptchine, que quand vous m' aviez annoncé Votre départ pour Moskou, je vous avais répondu, si c'est ainsi, vu la confiance que le ct. Rastoptchine a en Vous, je veux Vous parler d'une idée, qui m' est venue et que je lui ai communiquée en gros, dont j'ai ensuite mûri les details dans ma tête, lesquels Vous pouvez lui rendre, que je Vous ai lu ma lettre à lui; que c'était à lui à enflammer le patriotisme de sa noblesse, la premiére de Z' Empire par ses richesses et par ce respect dont jouissait ce nom de Moskou; qu' il n' avait qu' à se rendre ou à l'assemblée de noblesse, ou à quelque réunion, leur exposer le danger de la patrie et combien cette guerre était nationale, que sa ville renfermant des nobles de tous les gouvernements, l' enthousiasme, qu' il aurait produit dans les siens, se répandrait promptement par tout l' Empire; que Vous étiez assuré tout comme moi, qu' il n' y aurait pas un Russe qui ne serait hontenx de ne pas offrir à sa patrie sa personne et son zèle, que non seulement Vous, comme gentilhomme, trouvez que chaque gouvernement pouvait offrir un régiment de mille hommes, mais que tout comme moi, Vous croyez que la noblesse devrait s' engager à nourrir et entretenir ce corps durant la guerre, qui plus elle serait menée vigoureusement, moins elle durerait, que hors les fusils et la poudre, choses qu' aucun or ne peut donner, ce serait un objet par gouvernement de deux cent mille roubles par an à mille hommes;

s' il objecte qu' il y en a de trop pauvres pour supporter cette charge, répondez que du moins ceux-là pourraient fournir quelque partie d'un régiment, mais que sûrement aucun ne resterait pour son propre honneur en arrière; qu' il n'avait qu' à créer son régiment de Moskou, lui trouver les officiers et le chef et l' offrir à l' Empereur, qui serait le maître de l'accepter, mais qui ne pourrait blâmer son zéle; s' il Vous demande, si l' Empereur le sait et de qui part cette idée, répondez, que l' Empereur l'ignore, à ce qui Vous croyez, mais que le Prince et moi, nous avions pensé à cela, surtout parce que lui était à Moskou et qu' ainsi nous étions sûrs qu' il ne s' y passerait rien de tumultueux, vu que lui représenterait la chose à la noblesse simplement sous son vrai jour, mais que Vous pensiez bien que comme il n' avait aucun mal à ce projet, l' Empereur ne pourrait rien avoir contre. S'il Vous objecte le manque d' officiers, répondez lui qu' alors, au lieu de nommer ces mille hommes régiment, on pourrait les nommer bataillon, ce qui reviendrait au même avec l'avantage d' exiger moins d' officiers. S' il vous demande que deviendront ces gens ensuite, dites que Vous êtes sûr et moi de même, que l' Empereur ne les abandonnera pas, et qu' il est peu noble à la noblesse de penser aux récompenses avant de les avoir mérité. S'il vous demande comment la noblesse nourrirait et soignerait ces différents corps, repondez que Vous et moi, nous sommes sûrs que l' Empereur en faveur de leur bonne volonté leur fera la grâce d' en faire un corps à part et de leur donner un chef digne d' eux. S' il ne Vous faisait pas une de ces questions, dites lui tout cela de Vous même et de moi, car il est bon qu' il le sache afin de prévenir les erreurs, les inquiétudes et les discussions qui peuvent naître. S' il Vous demande ce que personnellement je compte faire, repondez que Vous l' ignorez. mais êtes très sûr que je ne resterai pas en arrière pour prouver ma reconnaissance à ma patrie.

(Переводъ). Передайте графу Ростопчину, что, извѣстившись отъ васъ о предстоящей вамъ поѣздкѣ въ Москву, и зная о довѣріи графа къ вамъ, я поручила вамъ переговорить съ нимъ о той идеѣ, о которой я сообщала уже графу въ общихъ чертахъ и которую я въ настоящее время обдумала во всѣхъ подробностяхъ; прошу васъ передать ихъ графу и сказать ему, что я читала вамъ мои письма къ нему. Передайте ему, что на немъ лежитъ обязанность воспламенить патріотизмъ Московскаго дворянства, перваго въ государствѣ, какъ по своимъ матеріальнымъ средствамъ, такъ и потому уваженію, какимъ оно пользуется въ Москвѣ. Графу стоитъ только явиться въ собраніе дворянства или на какой нибудь частный его съѣздъ, стоитъ только выяснить, какая опасность грозитъ отечеству и въ какой мѣрѣ начатая война есть война народная, чтобы воодушевить Московское дворянство, а изъ Москвы, гдѣ такъ много дворянъ изъ всѣхъ губерній, это патріотическое воодушевленіе охватитъ всю Россію. Скажите графу, что вы, такъ же какъ и я, увѣрены, что не найдется русскаго, которому было-бы не стыдно, не принести все свое усердіе и всего себя въ жертву отечеству; что вы, какъ дворянинъ, считаете для каждой губерніи возможнымъ выставить по одному полку въ тысячу человѣкъ и что вы вмѣстѣ со мною думаете, что дворянство должно взять на себя обязанность продовольствовать и содержать эти военныя части въ теченіе всей войны, а война тѣмъ скорѣе кончится, чѣмъ съ большею энергіею ее поведутъ; что каждой губерніи содержаніе тысячи человѣкъ стоило-бы 200.000 рублей кромѣ ружей и пороха, которыхъ ни за какія деньги купить нельзя. Если графъ возразитъ Вамъ, что есть губерніи слишкомъ бѣдныя для такой жертвы, отвѣчайте, что такія могли-бы поставить и не по цѣлому полку, но что навѣрное ни одна губернія въ Россіи изъ чувства чести не пожелаетъ отстать отъ другихъ. Скажите, что графу стоитъ только сформировать свой Московскій полкъ, найти для него

офицеровъ и начальника и представить этотъ полкъ Государю, отъ котораго конечно будетъ зависѣть принять или не принять его, но который конечно не можетъ осудить графа за его усердіе. Если графъ спроситъ васъ—знаетъ-ли Государь обо всемъ этомъ и кому принадлежитъ мысль, отвѣчайте, что, насколько вамъ извѣстно, Государь ничего еще не знаетъ, но что мысль о сформированіи дворянствомъ особыхъ полковъ принадлежитъ принцу и мнѣ, а возникла она потому, что въ Москвѣ графъ Растопчинъ и что, слѣдовательно, никакихъ волненій произойти не можетъ, если только дѣло представлено имъ будетъ дворянству въ истинномъ свѣтѣ. Добавьте, что, такъ какъ въ этомъ проэктѣ нѣтъ ничего дурнаго, то, по вашему мнѣнію, Государь не можетъ ничего имѣть противъ. Если графъ сошлется на недостатокъ офицеровъ, то отвѣтьте, что, въ случаѣ нужды, эти отряды, въ тысячу человѣкъ каждый, можно будетъ именовать баталіонами, а не полками: сущность дѣла останется таже самая, офицеровъ же потребуется менѣе. Если графъ васъ спроситъ, что станется съ этими офицерами впослѣдствіи, скажите, что Государь ихъ не оставитъ, и что недостойно дворянству думать о наградахъ раньше, чѣмъ онѣ заслужены. Если графъ у васъ спроситъ, какимъ порядкомъ дворянство будетъ продовольствовать и содержать эти собранные изъ разныхъ мѣстъ отряды войска, отвѣтьте, что, такъ же какъ и я, вы увѣрены въ томъ, что Государь; во вниманіе къ такому добровольному самопожертвованію, благоволитъ образовать изъ нихъ отдѣльный корпусъ, которому дастъ отдѣльнаго вождя. Если графъ и не предложитъ вамъ ни одного изъ предполагаемыхъ мною вопросовъ—возбудите ихъ въ разговорѣ съ нимъ отъ себя и отъ моего имени, такъ какъ необходимо, чтобы онъ зналъ обо всемъ этомъ, дабы предупредить ошибки, безпокойства и толки, какіе могутъ изъ этого возникнуть. Если графъ васъ спроситъ, что думаю дѣлать я лично, то отвѣчайте, что не знаете, но что глубоко

убѣждены въ томъ, что я не останусь позади въ случаѣ необходимости доказать на дѣлѣ мою признательность отечеству.

Письмо Великой Княгини Екатерины Павловны къ князю В. П. Оболенскому.

St. Petersbourg, ce 7 Iuillet 1812.

J'ai reçu hier au soir, mon Prince, la gracieuse confirmation de l'Empereur, mon offre a été acceptée formellement et n' est plus un secret; votre frère va partir, à tout instant les bas-officiers doivent m' arriver; j'ai écrit aujourd' hui pour que le Prince me renvoye sur le champ Todoroff, qui sera chargé de recevoir les objets de Mr Godleffsky; je suis la cause du retard de cet officier car tout le jour hier j'attendais sa réponse et voulais profiter de cette occasion pour vous en faire part.

Le grand projet va s'arranger en dépit du comte, je ne sais pas encore absolument les détails, mais en quinze jours Moskou fera voir à son gouverneur qu' il l'a méconnu. N'en parlez pas. Je suis heureuse de voir que le bien se fera, peu importe par qui; Vous êtes homme à le sentir et je m'empresse de Vous en faire part; cette nouvelle m' est aussi venue hier. A l'armée cela va trés bien, les bulletins vous seront connus, je pense. Pardon de mon laconisme, mais je n'ai pas un moment. Comptez toujours sur mon estime parfaite et donnez moi de Vos nouvelles et des nouvelles comment la grande affaire aura pris à Moskou, lorsqu' elle s'entamera.

Portez-vous bien et ne doutez jamais de Votre

devouée Catherine.

С.-Петербургъ, 7 Іюня 1812 г.

Князь!

(Переводъ). Вчера вечеромъ я получила отъ Государя всемилостивѣйшее соизволеніе: отнынѣ мое приношеніе оффиціально принято и уже не составляетъ тайны; вашъ братъ отправляется въ путь; съ минуты на минуту жду прибытія субалтернъ-офицеровъ; сегодня написала, чтобы князь немедленно прислалъ мнѣ Тодорова, которому поручено будетъ принимать вещи отъ г. Годлевскаго; этотъ офицеръ запоздалъ по моей винѣ: вчера цѣлый день прождала я отъ Годлевскаго отвѣта и хотѣла воспользоваться случаемъ, чтобы вамъ передать этотъ отвѣтъ.

Великій проэктъ осуществляется, не смотря на сопротивленіе графа. Подробностей еще не знаю, но не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ Москва докажетъ своему градоначальнику, что онъ не знаетъ ее. Пусть все это будетъ между нами. Я счастлива тѣмъ, что доброе дѣло совершится, а черезъ кого,— не все-ли равно? Вы такой человѣкъ, что не можете не принять всего этого къ сердцу, а потому спѣшу подѣлиться съ вами радостною новостью, которую я сама только вчера узнала. Въ арміи все идетъ хорошо, полагаю, что содержаніе получаемыхъ бюллетеней будетъ вамъ извѣстно.

Простите за мой лаконизмъ, но у меня нѣтъ ни минуты свободной.

Вѣрьте моему совершенному къ вамъ уваженію, пишите о себѣ; сообщите мнѣ, какъ отнесется къ великому дѣлу Москва, когда оно осуществится.

Будьте здоровы и не сомнѣвайтесь въ моей преданности.

Екатерина.

Записка Великой Княгини Екатерины Павловны.

St. Petersbourg, ce 19 Iuin 1812.

Il est enjoint à Monsieur Buchmann de remettre au Prince Basile Obolensky la somme de vingt cinq mille roubles en argent blanc, après que Monsieur Buchmann les aura échangé d'après le cours le plus avantageux en papier de Banque, laquelle somme le Prince Obolensky employera à l'objet convenu entre le Prince et moi.

Catherine.

С.-Петербургъ, 19 Іюня 1812 г.

(Переводъ). Поручаю г. Бухману, купить по самому выгодному курсу, банковыхъ билетовъ на сумму двадцать пять тысячъ серебряныхъ рублей и передать эту сумму князю Обо-ленскому, который дастъ ей назначеніе, извѣстное ему и мнѣ.

Екатерина.

Письмо Принца Георга Ольденбургскаго къ князю В. П. Оболенскому.

Tver, ce 17 Janvier 1811.

En Vous envoyant une lettre pour Votre frère, mon cher Prince, qui m'annonce la triste nouvelle qui me peine extremement, je Vous prie de la lui porter Vous même. Retournez au sein d'une famille qui Vous chérit adoucir Votre douleur et adieu, au plaisir de Vous revoir quand vous voudrez; mais pas avant que Vous ne puissiez venir avec les Vôtres. Tout à Vous

Georges.

Je n'ai pas besoin de Vous parlez de toute la part que ma femme prend à ce qui vient de Vous arriver.

Тверь, 17 января 1811 г.

Любезный Князь!

(Переводъ). Посылаю вамъ письмо на имя вашего брата, который сообщилъ мнѣ горестную вѣсть, весьма меня опечалившую. Прошу васъ передать это письмо ему лично. Возвращайтесь же въ нѣдра семьи, которая васъ такъ любитъ, которая одна только и можетъ утолить ваше горе. До свиданія! Возвращайтесь когда захотите, но не раньше, чѣмъ можете пріѣхать вмѣстѣ съ семьею. Весь вашъ

Георгій.

Нужно-ли мнѣ говорить вамъ, какое участіе принимаетъ жена моя въ постигшемъ васъ горѣ.

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны къ Н. М. Карамзину.

1810 годъ.

I.

1810 г.

Николай Михайловичъ! Трудно было-бы мнѣ изъяснить уваженіе, которое имѣю къ вамъ. Письмо ваше тѣмъ было для меня пріятнѣе, что подаетъ мнѣ случай сказать вамъ, сколько принимала я участія въ перенесенной вами болѣзни и сдѣланной потерѣ. [1]) Для душъ, подобно вашей, чувство быть полезнымъ отечеству своему можетъ имѣть въ теперешнее время надъ вами сильное вліяніе: предавшись ему, вы найдете новыя силы и увѣреніе, что потомство будетъ благословлять каждый шагъ труда вашего, конечно облегчитъ и печаль вашу.

Прошу васъ и супругу вашу быть увѣренными въ искренномъ моемъ желаніи всякаго вамъ благополучія. Пребываю вамъ доброжелательною

Екатерина.

II.

Тверь, 8 іюня 1810 г.

Николай Михайловичъ! Пріятенъ для меня каждый случай, когда могу быть съ вами въ сношеніи; пользуясь отъѣздомъ князя Оболенскаго, возвращаю вамъ съ нимъ записки г. Порошина съ благодарностью. Весьма рада слышать,

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о кончинѣ любимой свояченицы Карамзина княгини Щербатовой, урожденной Вяземской. Погодинъ, II стр. 59.

что здоровье ваше и семейства вашего поправляется. Пожелавъ вамъ всякаго благополучія, прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

III.

Тверь, 4 ноября 1810 г.

Николай Михайловичъ! Сегодня получила письмо ваше и спѣшу за оное благодарить васъ: не только съ удовольствіемъ желаю васъ видѣть, но и съ нетерпѣніемъ буду ожидать пріѣзда вашего; минуты, когда бесѣдуешь съ мужемъ достойнымъ, посвятившимъ дни свои единственно для пользы отечества своего, суть такія, которыя не забываются и которыхъ повтореніе есть напріятнѣйшее: чѣмъ скорѣе буду васъ видѣть у себя, тѣмъ болѣе Принцу и мнѣ сдѣлаете удовольствія; тогда познакомлю васъ съ сыномъ моимъ, для котораго сильнѣйшее мое желаніе есть, чтобъ нѣкогда и его имя могло быть помѣщено со славою въ Исторіи, васъ теперь занимающей. Пріимите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

IV.

Тверь, 14 декабря 1810 г.

Николай Михайловичъ! Не умѣю объясняться отборными словами, но вѣрьте, что умѣю цѣнить достоинства; ваше

знакомство изъ рода такихъ, которые, возвышая душу, не забываются. Я читаю съ удовольствіемъ записки Миниха, которыя нахожу весьма любопытными; жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскихъ и политическихъ отношеніяхъ.* Прошу супругѣ вашей, какъ отъ Принца, такъ и отъ меня, кланяться. Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

1811 годъ.

V.

Тверь, 5 января 1811 г.

Николай Михайловичъ! Съ благодарностью возвращаю вамъ записки Миниха, которыя съ большимъ удовольствіемъ прочла; съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ и *Россію*.... Если вы къ намъ послѣ 15 пріѣдете, то застанете вѣрно Константина Павловича. Черезъ нѣсколько часовъ мы отправляемся въ Ярославъ на четыре дня, сія есть причина, что болѣе къ вамъ писать не могу. Прошу поклониться отъ меня милой вашей супругѣ и быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ уваженіи.

Екатерина.

VI.

Tver, ce 18 Février 1811.

Le Prince Basile, m'offrant une occasion d'être en relation avec vous, Monsieur, j'en profite avec bien du plaisir, vou-

lant vous réitérer mes remercîments de toute la complaisance, que vous avez eue pour moi et vous assurer de ma parfaite estime. Je vous envoye le reste de ma malheureuse traduction et vais dès demain commencer quelque chose de plus à ma portée, mais *sans dictionnaire*. Comme vous avez la bonté de vous interesser à tout ce qui nous touche, je vous annonce que la lettre que j'attendais si impatiemment m'est parvenue ce matin à ma très grande satisfaction: car elle est une nouvelle preuve de la perfection de l'être que je veux que vous adoriez; il en est digne et vous en conviendrez quand vous l'aurez entendu: indirectement je viens d'entendre qu'il devait partir la semaine prochaine; ainsi donc, Monsieur, tenez vous prêt. Le général Doktoroff a été des nôtres aujourd'hui: c'est un bien excellent homme, dont le caractère est peint sur la figure, il est de votre et de notre avis, point d'effusion de sang. Le Prince vous fait mille amitiés; veuillez dire bien des choses de ma part à votre charmante femme; tous deux croyez à ma sincère amitié—sentiment avec lequel je serai toujours votre

dévouée Catherine.

(Переводъ). Съ большимъ удовольствіемъ пользуюсь доставленнымъ мнѣ княземъ Василіемъ Петровичемъ случаемъ, чтобы поблагодарить васъ, милостивый государь, за любезность, и чтобы засвидѣтельствовать мое совершенное къ вамъ уваженіе. Посылаю конецъ злополучнаго своего перевода. Завтра же начну что нибудь болѣе для меня легкое, но уже безъ словаря.

Такъ какъ вы принимаете сердечное участіе во всемъ, насъ касающемся, то сообщу вамъ новость: сегодня утромъ получено письмо, котораго ждала я съ такимъ нетерпѣніемъ; оно меня очень обрадовало, ибо послужило новымъ доказательствомъ совершенствъ человѣка, котораго поклонникомъ я желала-бы васъ видѣть. Онъ достоинъ поклоненія и вы съ

этимъ согласитесь, когда его услышите. Стороной узнала я, что онъ долженъ будетъ выѣхать на слѣдующей недѣлѣ; поэтому будьте готовы. [1])

Сегодня былъ у насъ генералъ Дохтуровъ, какой прекрасный человѣкъ и какъ вѣрно отражается характеръ его въ чертахъ лица. Онъ совершенно согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, которое есть вмѣстѣ мнѣніе принца и мое: не надо кровопролитія.

Принцъ вамъ сердечно кланяется. Передайте мой привѣтъ вашей милой женѣ: ее и васъ прошу вѣрить моей искренней дружбѣ, съ которою и остаюсь неизмѣнно вамъ преданная

Екатерина.

VII.

Tver, ce 8 Mars 1811.

Représentez vous la mine d'un écolier fautif, qui doit paraître devant son maître, et vous aurez, Monsieur, mon fidèle portrait; je ne vous ferai même pas une longue énumération de toutes les raisons d'excuses, que je pourrais avoir, je vous ai avoué mon tort. Vous êtes trop bon pour m'en croire moins zélée partiote. Voici le peu que j'ai fait d'après vos instructions. Les auteurs sont différents, votre bonté m'enhardit, et, si peut-être je m'élance trop haut, vous me ramasserez dans ma chute. Il est dit, Monsieur, que rien n'est stable dans ce monde, pas même une relation fondée sur la *sympathie*, l'estime et l'amité, car vraiment votre dernière lettre a failli nous brouiller. Vous m'avez accusé sur un article, où je n'entends pas plaisanterie, et injustement. Toute la faute

[1]) Здѣсь говорится о предположенномъ уже въ то время пріѣздѣ въ .. Тверь Императора Александра Павловича. Е. П.

est de votre coté, car de but en blanc vous m'accusez *d'être une girouette*. Certes je ne mérite pas ce reproche et je vous le prouverai en restant la même en dépit de tout ce que vous pourrez dire.

Pendant que je vous écrivais ces lignes, je viens de recevoir un courrier de ma mère avec la nouvelle que l'Empereur part le 12 au soir et sera donc ici le 14. Arrivez, Monsieur, venez, voyez et rendez les armes: au reste le courrier nous a apporté la triste nouvelle que le Duc [1]) a perdu et quitté son pays, mais nous ignorons encore, où il se rendra, et attendons quelqu' un de sa part à chaque instant: je m'abstiens de tout commentaire: votre coeur le fera et j'ai pleine confiance en lui. Avant de finir je ne veux pas manquer le but principal de ma lettre, et vous reparler de ce qui concerne le Pr. André Obolensky, mon mari lui a parlé cet après midi: des raisons de famille l'empêchent à ce qu' il dit de se décider avant d'avoir consulté son père, d'autres de modestie le font douter de ses capacités: mais nous ne les admettons: mon mari vous prie donc, Monsieur, d'employer toute votre éloquence à déterminer le Prince dans une affaire qui l'interesse vivement, on ne peut s'empêcher de l'estimer en apprenant à le connaître. Vous nous rapporterez sa réponse et viendrez le plutôt que vous pourrez, car malgré ce que vous en dites on vous aimera toujours ici, vous et votre charmante femme. Adieu, Monsieur, dans *quatre jours* je me flatte d'avoir le plaisir de vous voir, vous et Madame. Mes sentiments vous sont connus: ils sont invariables.

Тверь, 8 марта 1811 г.

(Переводъ). Николай Михайловичъ, представьте себѣ лицо виноватаго школьника, когда онъ долженъ предстать предъ своимъ наставникомъ, и вы будете имѣть передъ собою вѣрное мое

[1]) Владѣтельный герцогъ Ольденбургскій.

изображеніе. Я не буду даже стараться оправдать себя—я просто признаю себя виновной. Вы слишкомъ добры, чтобы поэтому поводу обвинить меня за недостаточно патріотическія чувства. Посылаю вамъ при этомъ мой небольшой трудъ, исполненный мною по вашимъ указаніямъ. Авторы не всегда бываютъ похожи одинъ на другаго: ваша снисходительность меня ободряетъ и если можетъ быть я запишусь слишкомъ высоко, то это потому, что увѣрена въ томъ, что, въ случаѣ паденія, вы подадите мнѣ руку помощи. Говорятъ, что ничего нѣтъ прочнаго на семъ свѣтѣ, что той же участи слѣдуютъ даже отношенія, основанныя на симпатіи, уваженіи и дружбѣ. Знаете-ли, что ваше послѣднее письмо, могло-бы насъ разсорить?—вы меня обвиняете, и притомъ несправедливо, въ такомъ дѣлѣ, къ которому я не допускаю легкомысленнаго отношенія съ своей стороны, а между тѣмъ вы сами одни виноваты, потому что, безъ всякаго къ тому повода, подозрѣваете меня въ томъ, что я могу быть флюгеремъ. Конечно я не заслужила этого названія и докажу вамъ тѣмъ, что не смотря на то, что вы говорите, останусь по отношенію къ вамъ тою же, что и была. Пока я писала къ вамъ эти строчки, ко мнѣ явился курьеръ отъ матушки съ извѣстіемъ, что Государь выѣзжаетъ 12-го, значитъ, здѣсь онъ будетъ 14-го. Пріѣзжайте же, милостивый государь, посмотрите сами и сложите ваше оружіе. Впрочемъ тотъ-же курьеръ привезъ намъ и грустную вѣсть, что Герцогъ лишился своего наслѣдія и уже выѣхалъ изъ Ольденбурга. Мы еще не знаемъ, гдѣ онъ желаетъ поселиться, и каждую минуту ждемъ отъ него посла: я воздерживаюсь отъ всякихъ разсужденій,—ваше сердце, которому я вполнѣ довѣряюсь, само вамъ ихъ подскажетъ. Въ заключеніе моего письма я обращаюсь къ тому, что составляло цѣль его. Я хочу поговорить съ вами снова о князѣ Андреѣ Оболенскомъ: мой мужъ не далѣе какъ сегодня имѣлъ съ нимъ объясненіе. Съ одной стороны семейныя обстоятельства мѣшаютъ ему принять

предложеніе, не посовѣтовавшись съ отцемъ, а съ другой— его скромность заставляетъ его сомнѣваться въ своихъ способностяхъ. Мы этихъ сомнѣній не допускаемъ, по этому мой мужъ проситъ васъ употребить все ваше краснорѣчіе, чтобъ принудить князя принять рѣшеніе въ дѣлѣ, которое его такъ живо интересуетъ. Нельзя принудить себя не цѣнить князя, когда знаешь его близко. Вы привезете мнѣ его отвѣтъ и сами пріѣдете какъ можно скорѣе; чтобы вы не говорили, васъ и вашу милую супругу здѣсь всегда будутъ любить одинаково. Прощайте, черезъ *четыре дня,* я надѣюсь здѣсь видѣть васъ и Екатерину Андреевну. Мои чувства къ вамъ извѣстны, они неизмѣнны.

VIII.

St. Petersbourg, 12 Avril 1811.

Malgré le peu de loisir que j'ai, Monsieur, je prends la plume pour vous remercier de votre aimable lettre. Vous m' avez fait peur en me menaçant de votre silence, j'espère que ces lignes changeront vos résolutions. J'ai vu Mr. Dmitrieff et vous dois un accueil de sa part infiniment plus favorable que je ne croyais; selon mon habitide je lui ai dit ce que j'avais pensé de lui, nous nous sommes expliqués et j'ose croire entendus: le refrein habituel était toujours un mal horrible de vous. Peut-être n'ignorez vous pas que nous sommes réunis depuis le 1-er de ce mois, ce qui nous comble de satisfaction. En voyant le Duc, on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable, ainsi que l'égalité de son humeur. Notre cher Empereur est en parfaite santé; lui ayant dit que je vous écrivais, il m'a chargée de vous faire ses compliments. Le 19

nous partons pour notre *bien aimée Tver*, où le Duc nous joindra quelques jours après. Si vous voulez avoir une idée de notre genre de vie d'ici, pensez à celle des chevaux de poste qui n'ont aucun repos; vraiment on n'a pas même un instant pour rassembler ses idées. Mon mari vous dit mille choses, sa santé est très bonne, j'embrasse Madame de coeur et d'âme, et vous assure de ma constante amitié, étant votre dévouée

Catherine.

С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1811 г.

(Переводъ). Не смотря на недосугъ, берусь за перо, чтобы поблагодарить васъ за любезное письмо ваше. Угрозою молчанія вы меня напугали; но надѣюсь, что эти строки измѣнятъ ваше рѣшеніе. Я видѣла г. Дмитріева, который, благодаря вамъ, былъ со мною безконечно любезнѣе, чѣмъ я предполагала. По своему обыкновенію, я высказала все, что я о немъ думала: мы объяснились и, кажется, поняли другъ друга. Въ бесѣдѣ нашей мы то и дѣло вспоминали про васъ и очень о васъ сокрушались. Вы, можетъ быть, знаете уже, что съ 1-го числа этого мѣсяца мы опять всѣ въ сборѣ и вслѣдствіе этого чувствуемъ себя на верху блаженства. При видѣ Герцога, дивлюсь торжеству добродѣтели: твердость въ немъ такъ же удивительна какъ постоянно ровное настроеніе духа. Государь нашъ возлюбленный совершенно здоровъ: услышавъ, что пишу вамъ, онъ поручилъ мнѣ передать вамъ свой привѣтъ. 19-го числа ѣдемъ въ нашу милую Тверь, куда Герцогъ прибудетъ къ намъ черезъ нѣсколько дней. Если хотите имѣть понятіе о нашемъ теперешнемъ образѣ жизни, то представьте себѣ почтовую лошадь, нешмѣющую отдыха: увѣряю васъ, нѣтъ свободной минуты, чтобы собраться съ мыслями. Мужъ мой шлетъ вамъ свой поклонъ: онъ чувствуетъ себя очень хорошо. Отъ всей души и отъ всего сердца

обнимаю жену вашу и увѣряю васъ обоихъ въ моей постоянной дружбѣ. Преданная вамъ

Екатерина.

IX.

Tver, ce 25 Avril 1811.

Etant arrivée avant-hier au soir, Monsieur, je profite de la première poste pour vous faire tenir la lettre que votre ami m'a remise pour vous; je vous accuse en même temps la réception de la votre, que j'ai trouvée ici et qui m'a fait un grand plaisir; j'ai également retrouvé mon enfant avec une joie que vous comprendrez mieux que personne, vous qui savez sentir et aimer; il a extrêmement gagné en intelligence et en graisse, de façon que j'ai toute satisfaction au moral et au physique; le 25 nous attendons le Duc et le Prince; et Monsieur et Madame Karamsine quand viendront-ils? Si vous avez quelque crédit sur eux, faites moi le plaisir de l'employer en ma faveur car mon impatience est extrême de les ravoir. J'ai vécu dans le tumulte le plus assommant depuis un mois et le repos dans *ma bien aimée* m'en parait d'autant plus délicieux; dès demain les traductions et diverses occupations vont recommencer; j'ai besoin de rassembler mes idées, elles ont été tellement errantes ces temps-ci que je ne sens trop où les aller chercher. D'içi je ne puis vous rien dire, sinon que nous avons un temps délicieux et que nous sommes fort occupés de l'arrangement des appartements de nos chères visites; il y a des meubles qui n'arrivent pas et nous causent un bien grand mécompte, enfin *patience* c'est la vertu des sages et des sots, à ce qu' on prétend, je ne me permets pas de décider la question. Je crois que vous avez bien envie de

me prier d'être aussi laconique, que moi de vous voir bavard en m'écrivant, mais que voulez-vous? il y a de certains gens qui me rendent *pie*. Mon mari dit mille choses à l'aimable ménage; si je disais à Madame absolument ce que je pense sur elle, Monsieur me renverrait promener; je me borne donc à le lui laisser deviner en l'embrassant de tout mon coeur. Comptez toujours sur ma considération distinguée.

Тверь, 25 апрѣля 1811 г.

(Переводъ). Вернувшись сюда третьяго дня вечеромъ, пользуюсь первой почтой, чтобы переслать вамъ письмо, довѣренное мнѣ вашимъ другомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю васъ, что я нашла здѣсь ваше письмо ко мнѣ, которое меня очень обрадовало. Видъ моего ребенка доставилъ мнѣ тоже не мало радости. Вы, такъ хорошо умѣющій чувствовать и любить, поймете это лучше чѣмъ кто либо. Онъ замѣчательно поумнѣлъ и пополнѣлъ, такъ что я вполнѣ довольна какъ нравственнымъ, такъ и физическимъ его развитіемъ. Къ 25 мы ждемъ сюда Герцога и Принца: когда же пожалуетъ къ намъ чета Карамзиныхъ? Если вы имѣете на нее малѣйшее вліяніе, употребите его въ мою пользу, такъ какъ я съ крайнимъ нетерпѣніемъ жду этого свиданія. Я провела цѣлый мѣсяцъ въ самой несносной суетѣ и отъ того болѣе чѣмъ когда-либо наслаждаюсь покоемъ въ моемъ возлюбленномъ городѣ Твери. Съ завтрашняго дня примусь за переводы и другія занятія; мнѣ необходимо собраться съ мыслями, что́ не совсѣмъ легко послѣ такой разсѣянной жизни. О здѣшнемъ житьѣ незнаю что вамъ сообщить, развѣ то, что погода чудесная и что мы хлопочемъ объ устройствѣ помѣщенія для дорогихъ гостей. Часть мебели еще не привезена, на что мы очень досадуемъ. Нѣкоторые говорятъ, что терпѣніе есть добродѣтель мудрецовъ, а другіе приписываютъ ее глупости: что правильнѣе—рѣшить не берусь. Мнѣ кажется, что вы

имѣете сильное желаніе попросить меня въ нашей перепискѣ быть столь же краткой, какъ я желала-бы видѣть васъ разговорчивымъ, но чѣмъ я виновата, если есть на свѣтѣ люди, которые вынуждаютъ меня быть съ ними *сорокой*. Мужъ мой посылаетъ вамъ обоимъ свой привѣтъ. Не смѣю высказать Екатеринѣ Андреевнѣ всего того, что я о ней думаю, Николай Михайловичъ можетъ за то на меня разсердиться. Обнимая ее отъ всего сердца предоставляю ей самой объ этомъ догадываться. Вѣрьте истинному моему уваженію.

X.

Tver, ce 25 Mai 1881.

Des personnes prétendues bien informées m'ayant dit, Monsieur, que pour le vingt nous aurions le plaisir de vous posséder ici, j'ai tardé à vous répondre et à vous remercier de vos deux aimables lettres: je viens d'apprendre que vous avez eu un enfant malade, et je m'empresse de vous témoigner la part sincère que je prends à vos inquiétudes. En voyant l'écriture russe de mon maître, j'ai pris peur et ensuite il m'a fallu soutenir un combat: mon amour-propre luttait avec ma faiblesse, et, oh, honte! celle-ci l'a emporté: je pensais vous répondre en russe, mais je n'ose. Les traductions sont ajournées; je passe mes journées au sein d'une famille chérie et j'ose dire qui mérite de l'être, mais je dois vous avouer que sa présence nuit à l'étude. En appeler à l'homme sensible, à l'homme vertueux pour lequel aucune jouissance du coeur ne parait exagérée, à celui qui chérit la nature, c'est vous nommer. Soyez donc généreux et pardonnez moi de sacrifier au sentiment en dépit de la froide raison. Comme le *Tenebreux Basile* vient d'être achevé, et que la petite famille est rétab-

lie, permettez aux amis de revendiquer leurs droits; je veux que vous me deviez encore une bonne connaissance; le monde n'en fournit pas beaucoup de cette nature. Tout en vous rappelant vos engagements, je veux être juste, *venez si vous le pouvez sans vous gêner;* vous inspirer même momentanément un pareil sentiment me ferait beaucoup de peine: j'exige de votre amitié de ne pas faire un pas qui ne vous convienne absolument. Recevez les compliments de mon mari. Madame Karamzine voudra bien me permettre de l'assurer, qu' elle n' a pas beaucoup d'amis qui veuillent plus de bien que je ne le fais. Conservez moi votre souvenir et comptez toujours sur le mien.

Тверь, 25 мая 1811 г.

(Переводъ). Люди, слова которыхъ казались мнѣ достовѣрными, убѣдили меня, что къ 20 числу мы будемъ имѣть удовольствіе васъ видѣть здѣсь,—вотъ причина, по которой я замедлила въ изъявленіи вамъ своей благодарности за два любезныя письма ваши. Сейчасъ я только что узнала, что у васъ былъ боленъ ребенокъ и спѣшу засвидѣтельствовать вамъ о томъ живомъ участіи, которое я принимаю въ вашемъ безпокойствѣ. При видѣ посланія моего учителя, написаннаго по русски, я смутилась и долго самолюбіе боролось во мнѣ съ робостью. Увы! послѣдняя побѣдила: хотѣла отвѣчать вамъ также по русски, но не смѣю. Переводы отсрочены: я провожу дни мои среди милой семьи моей, которая хотя и вполнѣ достойна быть любимой, но не могу не признаться, что въ ея присутствіи занятія становятся затруднительными. Приношу въ этомъ повинную человѣку сердечному и столь высокодобродѣтельному, что конечно никакой порывъ сердца не покажется ему преувеличеннымъ. Будьте же великодушны и простите мнѣ, если я, поддаваясь вліяніямъ сердца, жертвую для сего холоднымъ разсудкомъ.

Въ виду того, что *Василій Темный* уже оконченъ и младшая половина вашей семьи поправилась, позвольте друзьямъ напомнить вамъ о своихъ правахъ: мнѣ хотѣлось бы еще разъ извлечь пользу изъ вашего знакомства съ нами; такіе знакомые, какъ вы, не часто встрѣчаются въ свѣтѣ. Напоминая вамъ о данномъ обѣщаніи, я хочу быть справедливой: пріѣзжайте только въ томъ случаѣ, если вамъ это удобно; меня очень огорчило-бы, если-бы я хотя на минуту была причиной вашего стѣсненія; увѣренная въ вашей дружбѣ, я надѣюсь, что вы ничего не предпримите по отношенію ко мнѣ противъ своего личнаго желанія. Мужъ мой шлетъ поклонъ вамъ и Екатеринѣ Андреевнѣ. Прошу у нея позволенія увѣрить ее, что у ней нѣтъ друзей доброжелательнѣе насъ. Не забывайте меня и вѣрьте, что я всегда помню о васъ.

XI.

Tver, ce 3 Juillet 1811 г.

Со страхомъ и трепетомъ беру перо: боюсь во-первыхъ учителя, но боюсь еще вдвое, не оскорбила ли я пріятеля долгимъ моимъ молчаніемъ. Послѣ отъѣзда вашего и мы отправились на одиннадцать дней: въ В.-Волочкѣ я получила ваше письмо; мы страдали жаромъ и пылью, но слава Богу, всѣ здоровыми пріѣхали домой: съ тѣхъ поръ, кромѣ кисти, нѣтъ у меня ничего въ рукѣ, тороплюсь поспѣть съ работою для матушкина праздника: мы еще неизвѣстны, не поѣдемъ ли къ сему дню въ Петербургъ. Принцъ долженъ посѣтить Маріинскій и Тихвинскій каналъ: они близъ столицы, нельзя ее миновать. Если сіе сбудется, то мы полагаемъ ѣхать 17 (11?), а возвратиться сюда 17 августа.

Avouez moi, que voilà' un grand effort; il n' y a que vous qui puissiez me le faire; savez-vous, Monsieur, que vraiment je suis inquiète que vous ne m'en vouliez; ne le faites pas, ce serait injuste. Hier le Sénateur-Curateur K... a diné chez moi, mais il a trouvé ma cuisine malsaine ayant dû y avaler deux plats fort indigestes—l'exposé de mon opinion et de mes sentiments pour vous et pour le professeur Buhle; à cette occasion j'ai eu un grand plaisir en voyant que le méchant se trahit lui même; sa physionomie, ses actions, étaient en parfait contraste avec ses discours; il a dit mille biens de vous et de lui, mais il est de naturel trop sincère pour que personne y soit trompé. Nous vivons au reste comme toujours entre nous et paisiblement; je crains pourtant que bientôt le Duc et de Prince ne soient dans le cas d'aller à Petersbourg; j'ai fort envié à ce dernier la promenade qu' il a faite avec vous; peut-être un jour aurais-je la même satisfaction. Veuillez dire à ma chère Madame Karamsine que je l'aime beaucoup et la prie d'en faire autant à mon égard. Le Duc, le prince Auguste et mon mari vous font mille amitiés; pour moi, Monsieur, je vous assure d'une chose, c'est qu' il est impossible de vous désirer plus de bonheur et de vous vouloir plus de bien que je ne le fais. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

Тверь, 3 іюня 1811 г.

Начало письма по русски.

(Переводъ). Признайтесь, что это цѣлый подвигъ, для васъ однихъ я на него способна. Знаете, что меня безпокоитъ мысль, что вы на меня сердитесь; увѣряю васъ, это было-бы несправедливо съ вашей стороны. Вчера сенаторъ-попечитель К... [1]) обѣдалъ у меня, онъ нашелъ мою кухню не

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ очевидно о попечителѣ московскаго университета И. И. Кутузовѣ, который въ 1810 году былъ назначенъ въ эту должность вмѣсто графа А. К. Разумовскаго, назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія. Новый попечитель не жаловалъ Карамзина, какъ это видно изъ доноса его министру, напечатанному въ книгѣ М. П. Погодина о Карамзинѣ (т. II стр. 60—62). Е. П.

по вкусу, такъ какъ въ числѣ прочаго ему были поданы два блюда крайне неудобоваримыя для него: ему пришлось выслушать выраженіе моего мнѣнія о васъ и о профессорѣ Бюлѣ, а также о моихъ чувствахъ къ вамъ обоимъ. При этомъ я имѣла случай наблюдать, какъ злые люди подчасъ сами себя выдаютъ: его слова шли въ разрѣзъ съ его движеніями и даже съ выраженіемъ его лица. Онъ много наговорилъ хорошаго о васъ обоихъ, но онъ самъ отъ природы слишкомъ искренекъ, чтобы ему удалось кого либо провести. Затѣмъ, мы живемъ по прежнему, исключительно семейною спокойною жизнью; боюсь только, что герцогу и принцу, обоимъ придется пожалуй уѣхать скоро въ Петербургъ. Я очень завидовала принцу, что ему удалось совершить путешествіе въ вашемъ обществѣ, можетъ быть и на мою долю выпадетъ когда нибудь тоже удовольствіе. Передайте пожалуйста милой моей Екатеринѣ Андреевнѣ, что я желала-бы, чтобы она любила меня также, какъ и я ее люблю; мой мужъ, герцогъ и принцъ Августъ дружески вамъ кланяются, что касается до меня, то я только могу васъ увѣрить, что никто не желаетъ вамъ болѣе счастія и всего хорошаго какъ я; не забывайте меня и вѣрьте моей искренней дружбѣ.

XII.

Tver, ce 14 Iuillet 1811 г.

Оставляя на мѣсяцъ милый свой городъ, не хочу сіе сдѣлать не откланиваясь учителю любимому, мы ѣдемъ на недѣлю въ Петербургъ, а потомъ по должности. Письмо ваше меня ободрило, но на подобіе блаженной памяти отставнаго бога Фаетона и я можетъ снотыкнусь; пріимите и изцѣлите раны, проще, простите ортографическія ошибки, хоть это не

стихотворно. Всѣ сыны отечества, какого не были бы рода, читаютъ, размышляютъ, судятъ; *судебный сенатъ* обширное поле имъ дастъ къ оному. По невѣжеству своему мнѣ кажется очень хорошо, кромѣ бездѣлицъ лишнихъ. Суворова жизнь мнѣ отъ автора прислана, страхъ высоко летаетъ. Вотъ мои всѣ новости.

Vous me faites faire des miracles par le désir que j'ai de vous complaire. Comme vous savez le prix que je mets à votre amitié, jugez du plaisir que votre lettre m' a fait: je vous en remercie de tout mon coeur; le Duc également m' a chargé ainsi que mon beau-frère de ses compliments; ils nous ont quittés avant-hier. Je voudrais être revenue, ce voyage ne m'est point une perspective agréable; à mon retour j'espére que mon maître et mon ami voudra bien me faire une petite visite; mes amitiés à ma chère Madame Karamsine que j'aime de tout mon coeur. Pardon, si je finis déjà, mais une veille de départ on n'est pas trop libre. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

Тверь, 14 іюля 1811 г.

Начало письма по русски.

(Переводъ). Неправда-ли, я творю чудеса, въ надеждѣ угодить вамъ? Зная насколько я цѣню вашу дружбу, вы поймете какое удовольствіе мнѣ доставило ваше письмо; отъ души благодарю васъ за него. Герцогъ и зять мой просили меня передать вамъ ихъ привѣтъ. Они уже третьяго дня уѣхали отъ насъ. Я же хотѣла бы вообразить себя возвратившеюся изъ своего путешествія, такъ мало оно для меня привлекательно. По моемъ возвращеніи, надѣюсь, что мой учитель и другъ посѣтитъ меня. Кланяюсь милой моей Екатеринѣ Андреевнѣ, которую всѣмъ сердцемъ люблю. Извините, что кончаю письмо, но наканунѣ отъѣзда ни у кого нѣтъ

достаточно свободнаго времени. Не забывайте меня и вѣрьте моей искренней дружбѣ.

XIII.

Тверь, 17 августа 1811 г.

Не медлю написать милому учителю, что его друзья третьяго дни возвратились въ *тихой любезной Тверь*. Въ день отъѣзда изъ столицы получила письмо ваше; изъ удовольствія, изъ хвастовства показала его матушкѣ, которая очень была имъ обрадована и поручила мнѣ вамъ сіе сказать: нашъ Государь приказалъ вамъ много кланяться, какой Государь, какая душа! Сдѣлавъ велѣнное, буду теперь болтать. По плану нашему мы только недѣлю остались въ столицѣ; поѣхали на Маріинскій каналъ, который заслуживаетъ всякаго вниманія; природа человѣкомъ покоренная есть зрѣлище удивительное; я давно почитала Деволанта, но теперь съ удивленіемъ на него смотрю; онъ соединяетъ искусство и скромность. Отъ Маріинскаго канала мы поѣхали къ Тихвинскому, который такъ-же весьма полезенъ, но не столь величественъ. Теперь возвратились мы къ маленькому, который насъ принялъ съ тремя зубами, которые онъ весьма легко сдѣлалъ; завтра ему годъ минуетъ; для насъ это большой праздникъ. Вашъ другъ Дмитріевъ желаетъ васъ видѣть въ Петербургѣ, но еще болѣе себѣ желаетъ быть въ Москвѣ; какъ бы вы ни рѣшились, но прошу насъ не забыть; и *Темный* и *сынъ* его кончены безсумнительно, вамъ нужно отдыхать; пріѣзжайте къ друзьямъ нетерпѣливымъ васъ видѣть и бесѣдовать. Много [illegible]о; мнѣ не слѣдуетъ рѣшить, успѣхъ вѣнчаетъ [illegible]е. Въ сентябрѣ Герцогъ къ

намъ будетъ; Принцъ на этихъ дняхъ поѣдетъ въ Ревель; впрочемъ наша жизнь все по старому.

Permettez moi, monsieur, après avoir travaillé à vous étaler ma science, de dire du moins un petit mot d'amitié à Madame Karamsine; elle sera plus humaine que vous, dont j'ai, je l'avoue, grandement peur; je la prie de me continuer son souvenir, car j' y tiens infiniment; recevez tous deux l'assurance de mon amitié inviolable; mon mari vous fait à tous deux mille compliments.

Тверь, 17 августа 1811 г.

Начало письма по русски.

(Переводъ). Представивъ вамъ опытъ моего изложенія на русскомъ языкѣ, прошу васъ дозволить мнѣ, хотя нѣсколькими строками напомнить Екатеринѣ Андреевнѣ о моей дружбѣ къ ней; она, надѣюсь, снисходительнѣе васъ, котораго, должна въ томъ сознаться, я ужасно боюсь. Прошу ее, незабыть меня, памятью ея я очень дорожу. Посылаю вамъ увѣреніе въ моей неизмѣнной дружбѣ; мужъ мой обоимъ вамъ много кланяется.

XIV.

Tver, ce 30 Août 1811.

Il m'est impossible, Monsieur, de ne pas profiter de l'occasion qui se présente pour vous dire la part que je prends à vos peines. Savoir l'homme vertueux souffrant est plus triste encore; pour lui c'est peut-être un triomphe, mais pour ses amis un cruel spectacle: j'en connais le sujet, votre consolation doit être dans la pureté de vos intentions. Malgré le plai-

sir que j'aurais à vous voir, que votre parole ne vous lie point; vous causer de l'embarras m'affligerait; venez quand vous le pourrez, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Je fais bien des voeux pour le retablissement de votre petite et le votre. Comptez toujours sur ma sincère amitié. J'embrasse Madame Karamsine de tout mon coeur.

Тверь, 30 августа 1811 г.

(Переводъ). Спѣшу воспользоваться случаемъ, чтобы высказать вамъ мое искреннее участіе въ вашемъ горѣ. Тяжело видѣть добраго человѣка въ несчастіи. для него испытаніе вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество, но для друзей его видѣть это со стороны крайне прискорбно. Мнѣ извѣстна причина вашего горя. Утѣшеніемъ да послужитъ вамъ чистота вашихъ намѣреній. Хотя я очень желала-бы васъ видѣть, но прошу васъ не считать себя связаннымъ даннымъ словомъ. Меня очень огорчило-бы причинить вамъ безпокойство. Пріѣзжайте когда вамъ будетъ удобно, когда васъ ничто не будетъ задерживать. Я надѣюсь, что ваша дочка скоро поправится и вы тоже.

Вѣрьте всегда моей искренней дружбѣ; отъ всей души обнимаю Екатерину Андреевну.

XV.

Tver, ce 17 Septembre 1811.

Votre lettre, Monsieur, m' a causé un sentiment de peine très vif. Voir la vertu souffrante et souffrante par le coeur est le plus triste spectacle. Leur bonheur sera le votre, faisons donc des voeux pour qu' ils ne se repentent pas de leur lé-

géreté. Votre âme est plus philosophe que votre corps à ce qu' il semble, quoique je serai bien tentée d'en douter: votre franchise même ne m' est pas un sûr garant du contraire. Vous voulez paraître au dessus des vicissitudes de la fortune: vous vous en faites l'illusion, mais ce coeur trop sensible agit malgré vous sur la machine. Quoi qu' il en soit, ce n'est pas moi qui jamais prêcherai l'insensibilité: sentez, souffrez, il viendra un moment où vous jouirez. Votre confiance m' est chère, car, quand je pense à vous, j'éprouve un sentiment de bien-être et je me dis: voilà un excellent homme. Au lieu de vous engager à venir dans ce moment nous voir, je vous annonce notre départ. Le Prince a reçu ordre de se rendre dans le gouvernement de Witebsk, pour visiter des rivières et le canal de Bérésina: fidèle à mes principes, je le suis: on m' en blâme je le sais: à Dieu ne plaise que je me mette au-dessus de l'opinion, mais je la brave et la braverai toujours quand ma conscience me dira qu' elle est en opposition avec mes devoirs; l'exemple d' un bon ménage est le seul service que je puisse rendre au public. Nous remettrons la discussion de cet article à notre prochaine entrevue. Le 10 d' Octobre nous serons sûrement ici: peut-être à cette époque pourrez vous réaliser votre projet. Vous nous obligerez beaucoup par là. Il vient de paraître un ouvrage russe sur la question infiniment délicate: la liberté des paysans: je l'ai. Ignorant s' il est permis ou non, je vous le garde: la rumeur qu' il cause est, dit-on, fort grande. Mille et mille amitiés à ma chère Madame Karamsine. Mon mari vous fait bien des compliments à tous deux, et moi je vous assure de ma sincère amitié.

Тверь, 17 сентября 1811 г.

. (Переводъ). Письмо ваше меня очень огорчило. Ничего не можетъ быть грустнѣе, какъ видѣть добродѣтель уязвленною, и

притомъ еще въ области сердца. Я знаю, что счастіе ихъ будетъ счастіемъ для васъ; будемте же надѣяться, что они не будутъ раскаяваться въ своемъ легкомысліи. Мнѣ кажется, что вы только душою философъ, но что физически вы изнемогаете; очень желала-бы быть убѣжденною въ противномъ, но въ этомъ случаѣ не надѣюсь даже на вашу искренность. Вы хотите стать выше превратностей судьбы, но сердце ваше, вопреки желанія, дѣйствуетъ на организмъ. Конечно не я буду проповѣдовать безсердечіе, горюйте, страдайте— придетъ время и вы будете утѣшены. Ваше довѣріе мнѣ дорого, и когда я думаю только о васъ, міръ душевный наполняетъ мое сердце, я говорю себѣ—какой вы прекрасный человѣкъ! Вмѣсто того, чтобы звать васъ къ себѣ, извѣщаю васъ о нашемъ отъѣздѣ. Принцъ получилъ приказаніе ѣхать въ Витебскъ, осмотрѣть рѣки и Березинскій каналъ. Слѣдуя какъ и всегда выработаннымъ мною принципамъ, я буду его сопровождать. Я знаю что меня осуждаютъ и Боже меня сохрани идти на перекоръ общественному мнѣнію, но въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣсть мнѣ подсказываетъ, что оно идетъ въ разрѣзъ съ лежащими на мнѣ обязанностями, я не намѣрена ему подчиняться. Подавать примѣръ хорошихъ семейныхъ отношеній—единственная моя заслуга передъ обществомъ. Мы съ вами еще поговоримъ объ этомъ при свиданіи. Къ 10 октября мы конечно будемъ дома. Можетъ быть къ этому времени вы будете въ состояніи исполнить ваше обѣщаніе посѣтить насъ. Вы насъ много этимъ обяжете. Появилось новое сочиненіе на русскомъ языкѣ по вопросу весьма щекотливаго свойства: объ освобожденіи крестьянъ. Оно есть у меня, а такъ какъ я не знаю дозволено ли оно цензурой, то и берегу его для васъ; говорятъ оно надѣлало много шума. Тысячу любезностей милой моей Екатеринѣ Андреевнѣ. Мужъ мой обоимъ вамъ кланяется, а я увѣряю васъ въ своей искренней дружбѣ.

XVI.

Tver, ce 13 Octobre 1811.

Il y a une heure que le Prince Obolensky, en me parlant de vous, m' a dit, que vous attendiez une lettre de moi pour arriver; je n'ai donc rien de plus pressé que de l'écrire. Arrivez, Monsieur, voir vos amis qui le désirent infiniment. Je vous félicite du rétablissement de votre jeune homme et fais bien des voeux pour qu' il se remette entièrement. Vous êtes trop humble dans vos lettres et surtout dans la derniére; je ne vous donne point de titre en vous nommant vertueux, mais vous appelle de votre nom. Vous avez la bonté de vous intéresser à notre voyage, ce qui m'autorise à vous dire qu' il a été extrêmement agrèable. Le Prince a trouvé les projets très exécutables ce qui est pour l'essentiel; nous avons fait la connaissance d' un très beau gouvernement qui est celui de Smolensk; c' est un jardin, la ville est fort bien. Depuis mon retour je me suis remise aux traductions et propose à mon maître un quart d'heure d'ennui, mais j'ose dire que je lui propose aussi un quart d'heure de jouissance en lui faisant connaitre une pièce de vers digne de lui. Elle nous a tous enflammés, chacun l' a traduit, mais nous attendons le maître pour nous convaincre de notre néant. Portez vous bien et venez recevoir les témoignages d'amitié de ceux qui vous sont attachés de coeur et d'àme. Je ne sépare pas le ménage.

Тверь, 13 октября 1811 г.

(Переводъ). Часъ тому назадъ, князь Оболенскій, говоря о васъ, сказалъ, что вы ждете моего письма, чтобы пріѣхать къ намъ, поэтому я сейчасъ же сажусь писать къ вамъ. Пріѣзжайте повидаться съ друзьями, которые васъ ждутъ съ нетерпѣніемъ. Поздравляю васъ съ выздоровленіемъ вашего

юноши и отъ всей души желаю, чтобы здоровье его вполнѣ возстановилось. Вы слишкомъ скромны въ вашихъ письмахъ, особенно въ послѣднемъ. Я вамъ не льщу, называя васъ добродѣтельнымъ, а только называю васъ вашимъ именемъ. Вы такъ добры, что интересуетесь нашимъ путешествіемъ, а поэтому спѣшу увѣдомить васъ, что оно было для насъ необыкновенно пріятно. Главное то, что Принцъ нашелъ вполнѣ исполнимыми представленныя ему предположенія. Затѣмъ, мы познакомились съ прекрасной Смоленской губерніей: это совершенный садъ; городъ тоже очень хорошъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась, я опять принялась за переводы и могу предложить моему учителю только четверть часа скуки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и четверть часа наслажденія, посылая ему стихотвореніе, достойное его вниманія. Оно насъ всѣхъ привело въ восторгъ. Всѣ мы поочередно принялись его переводить, но ждемъ учителя, чтобы убѣдить насъ въ нашемъ невѣжествѣ. Будьте здоровы и пріѣзжайте къ намъ, чтобы еще разъ убѣдиться въ сердечныхъ чувствахъ къ вамъ всей нашей семьи.

XVII.

Tver, ce 21 Novembre 1811.

J'ai bien l'air d'une ingrate vis-à-vis de vous sans l'être en effet, car j'avais commencé une réponse à votre première lettre sans possibilité de l'achever, j'ai reçu la seconde et le charmant album. Je ne puis assez vous remercier de cette nouvelle marque de votre amitié, qui m'est bien chère, car elle me prouve que vous et Madame ne m'en voulez pas pour mon silence bien involontaire. Cet *album* sera conservé précieusement et rien que mes amis les plus favorisés oseront en

remplir les pages; je me delecte à le lire. Je vous remercie aussi des livres russes que vous m'avez envoyés, hélas..... M-le Aledinsky est arrivée et quelques jours plus tard le Duc. Vous m'avouerez qu'on peut aimer à causer avec eux. Mon cher maître, ne me grondez pas, je me corrigerai; il y a une vie de Mahomet qui se traduit, il y en a dix lignes d'écrites, c'est quelque chose, on ne peut pas faire plus, menant la vie que je mène à présent; publiez votre histoire et vous verrez avec quelle avidité je la dévorerai. Le Prince est infiniment sensible à votre souvenir. Nous vivons bien agréablement en famille, car je compte Anna Pavlovna pour une seconde mère. Je suis bien charmée que la santé de toute la famille Karamsine soit bonne, tout ce qui la touche m'interesse. Pour ma personne, je ne puis vous dire ce que je fais, car je n'ai pas un moment à moi seule. Dans nos conversations il est bien souvent question de vous, et je vous assure que vous êtes *disséqué* sans pitié, c'est à dire, que hors du bien, il n'y a pas le moindre petit mal à déterrer.

Il vous paraitra assez étrange de me voir vous parler de plaisirs; nous en avons eu prodigieusement et en aurons de fondation toutes les semaines pour l'assemblée de noblesse qui s'est déjà rassemblée deux fois. Ayant lu ma lettre, vous vous apercevrez sans peine qu'elle a été prise et reprise au moins deux fois; je me cherche sans me trouver, car vrai je n'ai pas une minute à moi. Quoiqu'il en soit, je me connais assez pour sentir toute l'amitié que je vous porte et qui jamais ne s'affaiblira. Mille et mille choses à mon aimable madame Karamsine. Mon mari vous prie tous deux de ne pas l'oublier. Le petit fait une nouvelle dent, mais se porte à merveille. Ecrivez-moi souvent et aimez moi toujours. De grâce faites moi tenir la note de ce que je vous dois pour les livres russes, infortunés bouquins qui patienteront encore quelque temps, je pense, jusqu'à ce que je puisse dire à mon cher maître, que je les ai lus.

Тверь, 20 ноября 1811 г.

(Переводъ). Вы, можетъ быть, считаете меня неблагодарною, но это несправедливо. Я уже начала вамъ отвѣчать, когда получила ваше второе письмо съ прекраснымъ *альбомомъ*. [1]) Не знаю какъ васъ благодарить за этотъ новый знакъ дорогой для меня дружбы, тѣмъ болѣе, что онъ доказываетъ, что, ни вы, ни Екатерина Андреевна не сердитесь на меня за невольное молчаніе. Я бережно буду хранить альбомъ и только моимъ самымъ избраннымъ друзьямъ дозволено будетъ наполнять его страницы. Я съ наслажденіемъ перечитываю то, что въ немъ уже находится. Благодарю васъ и за русскія книги, которыя вы мнѣ прислали. Но увы!.. Алединская пріѣхала, а нѣсколько дней спустя и Герцогъ; признайтесь, что нельзя же не увлечься ихъ бесѣдой? Дорогой учитель, не браните, меня, я исправлюсь. Жизнь Магомета переводится; все же есть десять строкъ написанныхъ, увѣряю васъ больше этого сдѣлать было невозможно, при той обстановкѣ, въ какой я теперь живу. Печатайте вашу исторію, вы увидите, какъ страстно буду я ее читать. Принцъ очень тронутъ вашей памятью о немъ. Мы весьма пріятно живемъ семейной жизнью, такъ какъ Анну Павловну я считаю за вторую мать. Я очень рада, что вся семья Карамзиныхъ въ добромъ здравіи, все что до нея касается, близко моему сердцу. О себѣ лично не могу сказать ничего, потому что ни одной минуты не провожу одна. Въ нашихъ разговорахъ часто рѣчь касается и васъ и тогда васъ разбираютъ по косточкамъ, и при этомъ конечно кромѣ всего хорошаго ничего не находятъ.

Вамъ покажется страннымъ, если я заговорю объ увеселеніяхъ, а ихъ здѣсь очень много было и будетъ; мы рѣ-

[1]) 24 ноября, въ день ангела Великой Княгини, Карамзинъ подарилъ ей альбомъ (Августѣйшей Имяннинницѣ отъ Карамзина, Москва 1811 г.) въ коемъ своею рукою написалъ избранныя мѣста изъ писателей. Погодинъ, т. II стр. 88. Е. П.

шили каждую недѣлю принимать здѣшнее дворянство и два пріема уже состоялись. Читая мое письмо, вы замѣчаете конечно, что я принимаюсь за него въ десятый разъ; стараюсь собрать свои мысли, но онѣ каждый разъ ускользаютъ отъ меня, ибо, увѣряю васъ, неимѣю минуты свободной. Въ виду сего вынуждена ограничиться заявленіемъ, что моя дружба къ вамъ никогда не измѣнится. Тысячу привѣтствій любезной Екатеринѣ Андреевнѣ. Мужъ мой проситъ васъ обоихъ его не забывать. У моего малютки вышелъ еще зубокъ, но онъ совсѣмъ здоровъ. Пишите мнѣ часто, а любите всегда. Пожалуйста напишите мнѣ, сколько я вамъ должна за русскія книги, которымъ придется еще долго и терпѣливо ждать, пока я скажу моему милому учителю, что я ихъ прочла.

1812 г.

XVIII.

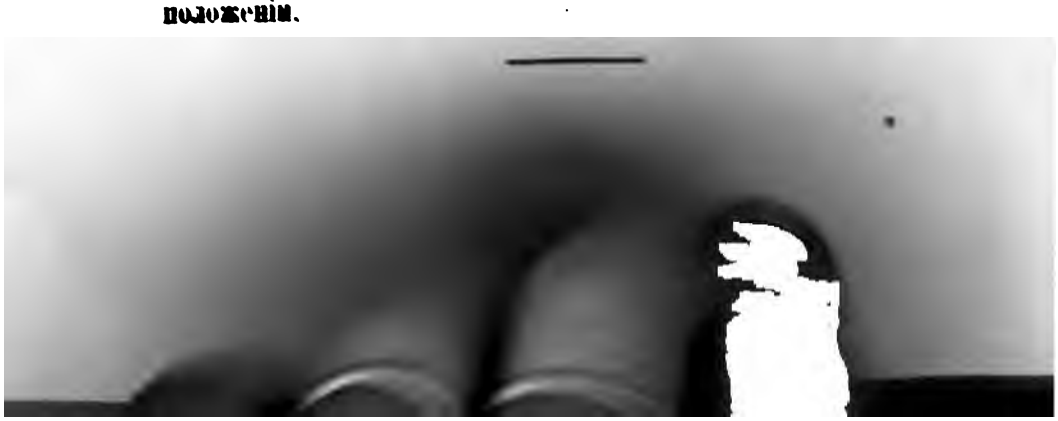
Tver, ce 4 Ianvier 1812.

Ma dernière lettre était très confuse, que direz vous donc, mon cher maître, de celle-çi, écrite la veille d'un départ et au milieu d'une infinité de paquets, enfin dans un moment, où bien loin d'avoir la tranquillité requise pour parler avec un être tel que vous, on n' a malgré soi que l'imagination préocupée d'objets bien peu interessants. Mon beau père est parti hier soir, mais pour revenir s'établir parmi nous, à ce que j'espère; demain matin M-elle Aledinsky, au moment que nous partirons pour Jaraslaw, partira pour Petersbourg. Tous ces départ à commencer par le nôtre, me font très peu de plaisir. A mon retour je pourrai dire que je retournerai aux livres, aux traductions, à la *grammaire*, et à mes amis, que

mon coeur ne quitte pas, si parfois la plume leur fait infidélité. Le prince Basile vous porte ces lignes; nous le voyons partir et surtout partir pour la Pologne avec grand regret, mais connaissant la droiture de son caractère, assurément le devoir et l'honneur le guideront dans toutes ses démarches, car avec lui on en peut avoir la certitude. Dites à la chère M-me Karamsine que je l'aime de tout mon coeur et vous ne lui en direz pas trop; et pour vous, soyez très sûr que je suis à vous de toute mon âme.

Тверь, 4 января 1818 г.

(Переводъ). Если мое послѣднее письмо было очень несвязно, то что вы скажете дорогой учитель о нынѣшнемъ? Пишу его наканунѣ отъѣзда, среди укладокъ, однимъ словомъ, въ такое время, когда поневолѣ развлекаешься самыми скучными мелочами и нѣтъ возможности сосредоточиться должнымъ образомъ для бесѣды съ такимъ человѣкомъ какъ вы. Мой свекоръ уѣхалъ вчера вечеромъ, но съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи окончательно поселиться у насъ. Аладинская уѣдетъ въ Петербургъ завтра утромъ, въ то время, какъ мы будемъ отправляться въ Ярославль. Всѣ эти отъѣзды, начиная съ нашего, для меня несносны. Когда пріѣдемъ назадъ, я возвращусь къ книгамъ, переводамъ, грамматикѣ и къ друзьямъ, которыхъ я не забываю даже и въ то время, когда не нахожусь съ ними въ перепискѣ. Князь Василій передастъ вамъ эти строки. Его отъѣздъ огорчаетъ насъ, особенно потому, что онъ ѣдетъ въ Польшу; но это человѣкъ, на котораго можно положиться; зная всю прямоту его убѣжденій, мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ его дѣйствія исключительно будутъ руководимы чувствами долга и чести. Скажите милой Екатеринѣ Андреевнѣ, что я ее люблю всѣмъ сердцемъ, а сами будьте увѣрены въ моемъ искреннемъ расположеніи.



XIX.

St. Pétersbourg, ce 24 Mai 1812.

Avant de vous gronder, mon cher maître, je viens vous féliciter de bien bon coeur; un événement heureux pour vous en est un pour moi. Dieu veuille vous conserver l'enfant que le ciel vous a accordé, et puisse-t-il ressembler pour sa félicité à ses parents, mettant une conscience sans reproche au-dessus de tous les autres biens. Permetez-moi à présent de vous dire que je suis *en prétentions*. Oui, Monsieur, car comment ne pas associer vos amis à ce qui vous interesse, comment ne pas m'admetre pour quelque chose dans votre joie. Si vous n'avez pas voulu de moi, c'est à tort, y ayant pris autant de part que qui que cela soit. Nous vivons dans le vague, l'univers en silence attend son sort, l'Empereur se porte bien, il est content de l'armée, l'armée est contente de lui. Le Prince n' a pas quitté Vilna encore, impossible de prévoir même le moment de notre réunion; Dieu donne qu' elle aie lieu sous des auspices heureux pour notre chère patrie. Vous écrivez l'histoire des siècles passés, hélas! celle du présent offre des spectacles non moins curieux de la versatilité du coeur humain; quand je vous reverrai, j' aurai plus d' une conversation interessante avec mon cher maître. Je vois souvent votre ami M-r Dmitrieff, nous parlons de vous deux et nous disons que pour le bonheur de l'humanité il faudrait qu' il y est beaucoup d'êtres comme vous. Le Prince me charge nommément dans sa lettre reçue hier du 19 de vous féliciter de la naissance de votre petite. Mon petit garçon grandit et se fortifie, il vivra j'espère dans des temps plus heureux que nous. Veuillez vous charger de mes amitiés pour la chère M-me Karamsine; tous deux auriez tort d'oublier celle qui est à vous de coeur et d'âme.

С.-Петербургъ, 24 мая 1812 г.

(Переводъ). Прежде упрековъ, дорогой учитель, хочу отъ всего сердца поздравить васъ. Счастливое событіе въ вашей семьѣ составляетъ радость для меня. Господь да сохранитъ вамъ ребенка, котораго Онъ вамъ даровалъ, и да будетъ онъ подобіемъ своихъ родителей, считающихъ безупречную совѣсть превыше всѣхъ благъ. Теперь позвольте мнѣ сказать вамъ, что я на васъ сердита; какъ можно отказывать своимъ друзьямъ въ участіи во всемъ томъ, что васъ интересуетъ, и не позволять имъ раздѣлить вашей радости? Мы живемъ въ полномъ невѣдѣніи того что будетъ. Весь міръ ждетъ рѣшенія своей участи; Государь здоровъ, онъ доволенъ своей арміей и армія довольна имъ. Принцъ еще въ Вильнѣ, въ настоящую минуту даже нельзя предположительно сказать, когда онъ вернется; дай Богъ, чтобы наше свиданіе совершилось въ болѣе счастливыя минуты для нашей дорогой отчизны. Вы пишете исторію древнихъ временъ; увы! современная намъ,—не менѣе знаменательна превратностью судебъ человѣческихъ. При свиданіи, о многомъ придется переговорить съ дорогимъ учителемъ. Я часто вижу вашего друга Дмитріева, мы говоримъ о васъ обоихъ и думаемъ, что для блага человѣчества, надо было-бы поболѣе людей такихъ какъ вы. Принцъ въ письмѣ, отъ 19-го, полученномъ еще вчера, проситъ меня поздравить васъ съ рожденіемъ дочки. Мой мальчикъ, ростетъ и крѣпнетъ. Я надѣюсь что онъ будетъ жить въ болѣе счастливыя времена. Передайте мой дружескій поклонъ милой Екатеринѣ Андреевнѣ. Вамъ обоимъ былъ бы грѣхъ забывать ту которая сердцемъ и душою ваша.

XX.

Jaroslav, ce 13 Novembre 1812 г.

Сейчасъ я получила письмо ваше и не медлю увѣдомить друга, что я радуюсь его вниманіемъ; часто спрашивала, гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ, но тщетно, никто не могъ меня удовлетворить; наконецъ самъ онъ вспомнилъ о его любящихъ. Всѣ мы терпимъ по одной причинѣ, мы терпимъ за мать, за славную Россію, но можемъ ею гордиться и гордо скажемъ порабощеннымъ иноземцамъ: вы собрались со всѣхъ краевъ свѣта, пришли съ огнемъ и мечемъ, но мы, обращая грады наши въ пепелъ, предпочли разореніе ихъ осквернению, и симъ дали вамъ великій примѣръ; славная наша столица погибла, мы не колебнулись; вы ожидали мира, нѣтъ мы вамъ готовимъ смерть, на вашихъ могилахъ возстанутъ грады наши, яко на славнѣйшемъ подножіи. Плѣнные завидуютъ имени Русскому, офицеры упрашиваютъ честь носить нашъ мундиръ, ибо нѣтъ свыше оной: Россія была вторая въ Европѣ держава, теперь и на вѣки она первая и скоро къ стопамъ ея прибѣгнутъ цари, моля о мирѣ и покровительствѣ. Веселитесь мыслію сею, она не мечта, но истина.

Tver, ce 21 Novembre 1812.

J'en étais restée là de ma lettre l'autre jour et depuis, un mal d'yeux m' a empeché de continuer. *Me voilà depuis deux jours dans mon séjour favori que j'ai revu avec joie, il est rempli de souvenirs chèrs à mon coeur, j' y ai joui du bonheur le plus pur*, et déjà depuis que j' y suis je n'apprends que de bonnes nouvelles; l'ennemi fuit, nous le poursuivons en le détruisant et il semble que la dernière heure du monstre perturbateur du repos de l'univers va sonner; cette gloire sera réservée à la Russie; elle triomphera du monde entier. Rostoptchine, notre ami commun, me semble un des hommes les plus

estimables et les plus malheureux; j'en reçois assez souvent des nouvelles, sa situation est très pénible; il dit, Moskou encore un désert. N'y rentrerez vous pas, Monsieur? Au moins je le désire espérant que le voisinage me procurera le plaisir de vous voir. Vous écrivez l'histoire des siècles passées; si vous la continuez jusqu' à nos jours, vous aurez une belle description à faire. La Russie luttant contre les forces réunies de l'Europe entière, pliant un moment sa tête auguste par la fougue de la tempête, mais la relevant bientôt et reparaissant plus belle que jamais. On peut être fiér d'être Russe, c'est au moins le sentiment de mon âme. Mon mari vous dit bien des choses, Monsieur, moi je vous prie d'assurer Madame de ma constante amitié et de me croire toujours à vous de coeur et d'âme. Catherine.

Тверь, 21 ноября 1812 г.

Начало письма по русски.

(Переводъ). Прервавъ мое письмо на этомъ мѣстѣ, я не могла продолжать его до сегодняшняго числа, по случаю болѣзни глазъ. Вотъ уже два дня, какъ я возвратилась въ свой любимый городъ, который увидѣла съ радостью; онъ полонъ дорогихъ для меня воспомнпаній, я въ немъ наслаждаюсь чистѣйшимъ счастіемъ и съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась сюда, получаю только хорошія извѣстія. Непріятель бѣжитъ—мы его преслѣдуемъ и уничтожаемъ. Повидимому насталъ послѣдній часъ для чудовища, который смутилъ всю вселенную Россія восторжествуетъ надо всѣмъ міромъ, ибо ей будетъ принадлежать честь произнесенія послѣдняго приговора надъ врагомъ. Нашъ общій другъ Ростопчинъ представляется мнѣ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ, но и самыхъ несчастныхъ людей,—я часто имѣю отъ него извѣстія, его положеніе восьма тяжело. Онъ говоритъ, что Москва все еще пустыня. Не вернетесь-ли вы туда, Николай Михайло-

ниля каждую недѣлю принимать здѣшнее дворянство и два пріема уже состоялись. Читая мое письмо, вы замѣчаете конечно, что я принимаюсь за него въ десятый разъ; стараюсь собрать свои мысли, но онѣ каждый разъ ускользаютъ отъ меня, ибо, увѣряю васъ, неимѣю минуты свободной. Въ виду сего вынуждена ограничиться заявленіемъ, что моя дружба къ вамъ никогда не измѣнится. Тысячу привѣтствій любезной Екатеринѣ Андреевнѣ. Мужъ мой проситъ васъ обоихъ его не забывать. У моего малютки вышелъ еще зубокъ, но онъ совсѣмъ здоровъ. Пишите мнѣ часто, а любите всегда. Пожалуйста напишите мнѣ, сколько я вамъ должна за русскія книги, которымъ придется еще долго и терпѣливо ждать, пока я скажу моему милому учителю, что я ихъ прочла.

1812 г.

XVIII.

Tver, ce 4 lanvier 1812.

Ma dernière lettre était très confuse, que direz vous donc, mon cher maître, de celle-çi, écrite la veille d'un départ et au milieu d'une infinité de paquets, enfin dans un moment, où bien loin d'avoir la tranquillité requise pour parler avec un être tel que vous, on n' a malgré soi que l'imagination préocupée d'objets bien peu interessants. Mon beau père est parti hier soir, mais pour revenir s'établir parmi nous, à ce que j'espère; demain matin M-elle Aledinsky, au moment que nous partirons pour Jaraslaw, partira pour Petersbourg. Tous ces départ à commencer par le nôtre, me font très peu de plaisir. A mon retour je pourrai dire que je retournerai aux livres, aux traductions, à la *grammaire*, et à mes amis, que

Ecrivez moi, Monsieur; vos nouvelles et celles de Madame m' intéresseront toujours. Veuillez toujours adresser vos lettres à Pétersbourg, où je laisse les instructions nécessaires pour me les faire parvenir, car dans huit jours je pars pour les pays étrangers, les médecins m'ayant conseillé les eaux d'Egra, et je serai déjà bien loin quand vous recevrez ces lignes; mon fils ainé m'accompagnera, le cadet restera chez ma mère, n'osant l'exposer dans un âge si tendre aux fatigues d'un voyage. Continuez moi votre amitié, j'en suis digne par la sincérité de celle que je vous porte; peut-être un jour le sort nous réunira-t-il; vous me retrouverez toujours la même: aimant avec ardeur ma patrie et mes amis. Je vous demande à être votre commissionaire si vous avez quelques commissions dans l'étranger. Soyez heureux tous les deux et pensez quelquefois à votre

Catherine.

С.-Петербургъ, 28 февраля 1813 г.

(Переводъ). Третьяго дня, получила я письмо ваше, Николай Михайловичъ; дружба людей, которыхъ мы уважаемъ, всегда дорога, но особенно въ минуты горя. Признаюсь что горе мое чрезмѣрно, [1]) примите мою искреннюю благодарность за участіе, которое вы въ немъ принимаете. Смѣю сказать, что всякій кто зналъ принца, не могъ не любить его. Мое счастіе было хотя и непродолжительно, но велико, и я только могу благодарить Бога, что Онъ далъ мнѣ имъ насладиться. Я не смѣю жаловаться: тотъ, кого я любила и и кого всегда любить буду больше всего на свѣтѣ, получилъ въ настоящее время истинное блаженство, которое будетъ продолжаться вѣчно. Что значатъ передъ этимъ испытываемыя мною страданія. Пишите мнѣ, вѣсти о васъ и о Екатеринѣ Андреевнѣ всегда будутъ мнѣ пріятны. Адресуйте

[1]) Великая Княгиня лишилась своего супруга принца Георга Ольденбургскаго.

des ruines là, où vous n'aviez connu que splendeur et magnificence. Dans vos entretiens avec le comte Rostoptchine pensez et parlez quelquefois d'une amie commune à tous deux. J'attends avec impatience vos commissions, très charmée si je puis en les exécutant être au moins bonne à quelque chose dans le grand oeuvre que vous avez entrepris.

Weimar, ce $\frac{\text{10 Novembre.}}{\text{29 Octobre.}}$

Je ne vous envoie le commencement de cette lettre que comme une preuve de mon souvenir en tous les temps; des raisons trop longues à vous détailler m'ont empêchée dans le temps de la terminer; depuis, j'ai fait un voyage à Vienne comme vous le savez déjà; j'y suis restée sept semaines très agréablement; en quittant cette capitale j'ai fait une tournée par Gratz et la Styrie; revenue à Prague, j'y ai trouvé l'ordre de passer la frontière Autrichienne pour le suivre, et me voici depuis hier à Weimar, l' Athénée de l' Allemagne. Comment dans un lieu pareil ne pas rendre hommage à celui dont notre littérature peut se glorifier. Après vous avoir rendu compte du matériel de mon voyage, je vous dois des détails plus interessants. A Prague le professeur ex-jésuite Dombrovsky s'occupe de langues slaves en général. De l'éthymologie des langues il prétend expliquer celle des nations. Quoiqu' il en soit, lui me semble être plus instruit sur ce qui touche notre nation que tous les professeurs de Vienne, de Styrie et de Iena. J'ai eu du chagrin sous ce rapport-là par les questions qu' on m' a ardessées: ce n' est point notre histoire, notre littérature qui intéresse, mais bien plus notre constitution politique actuelle. On connait les édits et ordonnances par le gouvernement dans les dernières

sait pas d'après des preuves historiques et statistiques si elles sont adaptées au pays. Quoiqu' il en soit, c'est pour un Russe le moment de voyager, car partout il entend bénir son Souverain, admirer sa nation. Je ne vous parlerai point politique, mes nouvelles seraient vieilles quand cette lettre vous parviendra: ce que je vous dirai pourtant c'est que notre *puissance* gagne aux comparaisons et notre pays aussi. Je n'ai point été en France, mais l'Allemagne je la vois et hors la Monarchie Autrichienne elle ne souffre aucune comparaison avec la nôtre; mais cette puissance que je viens de nommer en souffre et mérite respect et admiration pour sa force intrinséque, mais bien le contraire quand à sa régie: vingt ans de guerres malheureuses, de pertes continuelles en territoire, un mot du Souverain—et une armée annulée reparait, des ressources immenses se déploient: prenez que ce ne sont pas des *Russes* et que ce n'est pas *la Russie*: assurément cette monarchie est très respectable. Après vous avoir parlé du monde, je crois ne pas vous ennuyer trop fortement en vous parlant d'un de ses habitants: c'est de moi qu' il s'agit. Vous m' avez toujours témoigné tant d' intérêt que je vais vous donner quelques détails sur mon existence: pour mon moral, je n'en ferai pas l'éloge, je ne puis et ne veux pas oublier ma perte, c'est un juste tribut que je dois à l'être qui fit mon bonheur; ma santé pour l'essentiel est toujours dans le même état et depuis huit mois d'un jour à l'autre je suis souffrante; les bains d'Egra m'avaient fait du bien, malheureusement les circonstances m'ont empêchée de les continuer: mes forces pourtant depuis ce temps me sont plus revenues et je me flatte que la saison prochaine me remettra entièrement. Veuillez dire à Madame, que je pense souvent à elle et la prie quand elle saura que la pauvre M-me Iezikoff est instruite de son malheur, de lui faire tenir l'incluse: je regrette bien ce pauvre jeune homme et personne plus que moi ne compatit à sa peine. Portez vous bien et écrivez moi souvent, vous

devez connaître l' étendue de l' amitié et de l' estime de votre.

dévouée Catherine.

Je vous recomande de ne pas envoyer l' incluse avant d' être fort assuré que la mort de Iézikoff est connue de sa femme.

Франценсбрунъ, близъ Эгера, $\frac{20 \text{ іюля}}{1 \text{ августа}}$ 1813 г.

(Переводъ). Я съ величайшею благодарностью получила письмо ваше, Николай Михайловичъ. Ничто не можетъ ослабить мою привязанность къ вамъ, возникшую въ такое счастливое для меня время и при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Вѣрьте, что горе не изсушило мое сердце, я принимаю близкое участіе во всемъ томъ, что васъ касается. Не говоря о себѣ, я нахожу, что несчастіе заключается единственно въ потерѣ любимыхъ людей, потому что въ этомъ случаѣ мы остаемся безсильны. Богъ да избавитъ васъ отъ этого. Живите другъ для друга и наслаждайтесь счастіемъ быть вмѣстѣ. Пишите мнѣ подробно о себѣ, черезъ другихъ я знаю, что вы въ Москвѣ. Воображаю, какъ ужасно было для васъ найти развалины тамъ, гдѣ вы привыкли видѣть роскошь и великолѣпіе. Въ разговорахъ съ гр. Ростопчинымъ, вспоминайте иногда объ вашемъ общемъ другѣ. Жду съ нетерпѣніемъ вашихъ порученій и очень рада буду, исполняя ихъ, способствовать чѣмъ нибудь великому дѣлу, которое вами предпринято.

Веймаръ, $\frac{10 \text{ ноября}}{29 \text{ октября}}$

Посылаю вамъ начало этого письма, только какъ доказательство всегдашней моей памяти о васъ. Обстоятельства,

о которыхъ не стану упоминать, помѣшали мнѣ во-время кончить его, съ тѣхъ поръ я была въ Вѣнѣ, какъ вы уже знаете. Я очень пріятно провела тамъ 7 недѣль, послѣ этого, я проѣхала черезъ Грацъ и Штирію и, вернувшись въ Прагу, получила разрѣшеніе переѣхать австрійскую границу, и вотъ со вчерашняго дня я въ Веймарѣ, германскомъ Аѳинѣ. Могули я, находясь въ такомъ мѣстѣ, не вспомнить о томъ, кѣмъ гордится наша литература. Передавъ вамъ сухой отчетъ о моемъ путешествіи, сообщу вамъ и подробности болѣе интересныя. Въ Прагѣ, профессоръ Домбровскій, бывшій іезуитъ, занимается славянскими нарѣчіями: онъ увѣряетъ, что, разбирая корни славянской рѣчи, онъ доискивается этимъ путемъ происхожденія народовъ. Какъ бы то ни было, онъ мнѣ кажется глубже изучилъ все, что касается до нашей національности, чѣмъ всѣ профессора Вѣны, Штиріи и Іены вмѣстѣ. По этому поводу, меня огорчило то, что вопросы, которые мнѣ здѣсь предлагали, доказываютъ, что ихъ болѣе интересуютъ наши исторія и словесность, чѣмъ нашъ современный политическій строй. Всѣ опубликованныя въ послѣдніе годы правительственныя постановленія, имъ извѣстны, но въ ихъ распоряженіи не имѣется никакихъ историческихъ и статистическихъ данныхъ относительно того, насколько эти постановленія въ дѣйствительности были примѣнены на практикѣ. Во всякомъ случаѣ, русскимъ въ настоящее время слѣдуетъ побывать за границею: они повсюду услышатъ восторженные отзывы о ихъ національности и благословенія своему царю. Я не буду говорить о политикѣ, такъ какъ мои извѣстія будутъ уже лишены интереса новизны въ то время, когда вы получите это письмо; одно я могу вамъ сказать, что наша страна и ея могущество выигрываютъ при сравненіи съ другими. Я не знаю Франціи и не буду говорить объ Австріи, но Германія не выдерживаетъ никакого сравненія съ нами, что же касается до только что названнаго мною государства, то оно достойно полнаго уваженія за свою энер-

гію и силу, хотя нельзя сказаать того же объ его управленіи. Двадцать лѣтъ несчастныхъ войнъ, столько потерянныхъ земель, и однако достаточно одного слова ея монарха и уничтоженная армія опять возраждается, развиваются новыя средства для борьбы; не забудьте при этомъ, что это вѣдь не Россія съ ея народомъ, повторяю эта нація достойна удивленія. Наговоривъ вамъ много о цѣломъ свѣтѣ, рѣшаюсь поговорить съ вами и объ одномъ изъ его обитателей, т. е. о самой себѣ. Вы всегда мнѣ оказывали такъ много участія, что я долгомъ считаю сообщить вамъ нѣсколько подробностей о своемъ житьѣ-бытьѣ. Насчетъ моего нравственнаго настроенія, не могу похвастать, я не могу и не хочу забыть о своемъ несчастіи; я плачу этимъ свой долгъ тому, кто составлялъ мое счастіе. Мое здоровье вообще въ томъ-же положеніи какъ и прежде, вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я изо-дня въ день чувствую себя нехорошо. Купанья въ Егерѣ мнѣ помогли, но, по несчастію, обстоятельства такъ сложились, что я должна была ихъ прекратить; однако силы мои съ тѣхъ поръ начали возстановляться и надѣюсь, что будущій сезонъ меня окончательно поправитъ. Сдѣлайте одолженіе, скажите Екатеринѣ Андреевнѣ, что я часто думаю о ней и что я прошу ее, когда Г-жа Языкова будетъ уже извѣщена о своемъ несчастіи, передать ей прилагаемое при семъ письмо. Я очень сожалѣю о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ и кажется никто болѣе меня не принимаетъ такого участія въ ея горѣ. Будьте здоровы и пишите чаще. Вамъ должны быть извѣстны и моя дружба и мое уваженіе.

Екатерина.

Прошу васъ не пересылать письма до тѣхъ поръ, пока не увѣритесь вполнѣ, что кончина Языкова уже извѣстна его женѣ.

1815 годъ.

XXIII.

Wiesbaden, ce $\frac{26}{14}$ Juillet 1815.

J'ai reçu avec un extrême plaisir votre lettre du 26 Avril et si je n' y ai pas répondu plus tôt, n' en accusez que mes voyages continuels et non mon coeur toujours le même pour mes amis; vous savez que depuis longtemps j' ai l'habitude de compter vous et Madame votre épouse de ce nombre, permettez moi de la garder, je ne saurais m' en défaire. Le Prince Royal de Wurtemberg, aimant les sciences comme il aime la gloire, connaissait votre nom et n' a pu qu' être infiniment flatté des voeux que vous faites pour lui: il me charge de vous en témoigner sa gratitude. Le Ciel lui a été propice dans cette courte et mémorable campagne qui en dix-neuf jours a détruit la puissance du génie malfaisant qui opprimait l'humanité. Avec quels éclat la puissance de Dieu s' est manifestée et comment ne pas être pénétré de sa bonté paternelle jusque au fond du coeur; combien nous lui devons en particulier, nous autres Russes, pour nous avoir donné un Souverain si bon et si admirable par la beauté de son âme et la justesse de son esprit: on n' ose en appeler qu' à lui quand on veut que la justice triomphe! J'espère, vû la tournure favorable qu' ont pris les événemens, qu' il pourra bientôt revenir dans sa patrie cicatriser le playes faites par les ennemis. Continuez votre histoire, les temps où nous vivons méritent d' être décrits par votre plume. Je vous reproche l'ignorance où vous me laissez tant sur vos occupations littéraires que sur votre existence privée; pourtant vous ne pouvez douter de mon intérêt constant. Depuis huit jours je suis içi pour faire une cure de quelques semaines; ma destinée ultérieure dépend des événemens. j' ai l' éspoir d' être heureuse et suis parfaîtement contente de la perspective que me présente

mon avenir. Veuillez faire mes amitiés à votre aimable femme et croire aux sentimens que vous a voués pour la vie votre

dévouée Catherine.

Висбаденъ $\frac{14}{26}$ іюля 1815 г.

(Переводъ). Съ величайшимъ удовольствіемъ получила я ваше письмо отъ 25 апрѣля и если не отвѣчала на него ранѣе, то причиною тому мои постоянные переѣзды, а не сердце, всегда преданное друзьямъ, въ числѣ которыхъ я давно привыкла считать васъ и вашу супругу. Дозвольте мнѣ сохранить эту дорогую для меня привычку. Наслѣдный принцъ Виртембергскій, который любитъ науку столько же, сколько и военную славу, давно знаетъ ваше имя и потому ему весьма были лестны всѣ ваши пожеланія по его адрессу; онъ проситъ меня передать вамъ его благодарность. Провидѣніе и ему поблагопріятствовало въ достопамятную кампанію, которая въ 19 дней уничтожила величіе злаго генія, угнетавшаго человѣчество. Съ какой силой могущество Божіе проявилось въ этомъ случаѣ и какъ не быть проникнутымъ до глубины души Его отеческимъ къ намъ милосердіемъ. Особенно намъ русскимъ надо благодарить Его за дарованіе намъ такого монарха, великаго и добраго, пріобрѣвшаго такую славу своею справедливостью, что ему одпому ввѣряются, когда ищутъ правосудія! Я надѣюсь, судя по благопріятному ходу событій, что скоро ему возможно будетъ вернуться на родину для изцѣленія язвъ, нанесенныхъ ей врагомъ. Продолжайте вашу исторію; время, которое мы переживаемъ, достойно вашего пера. Я могу упрекнуть васъ за то, что вы оставляете меня въ невѣдѣніи, какъ относительно вашихъ литературныхъ занятій, такъ и о вашей частной жизни. Казалось-бы, вы не можете сомнѣваться во всегдашнемъ моемъ участіи. Вотъ восемь дней какъ я здѣсь для леченія водами, которое про-

должится нѣсколько недѣль. Послѣдующая моя судьба зависитъ отъ обстоятельствъ; я имѣю надежду быть счастливой и совершенно довольна тѣмъ, что мнѣ сулитъ будущее. Передайте мой дружескій привѣтъ любезной супругѣ вашей и вѣрьте въ неизмѣнность моихъ чувствъ.

Екатерина.

1817 годъ.

XXIV.

Стутгардъ, $\frac{3}{15}$ іюня 1817 г.

Николай Михайловичъ! Вспоминовеніе учителя, пріятеля, не могло не быть мнѣ пріятнымъ; пріимите за изъявленныя въ вашемъ письмѣ чувства мою благодарность. Супругъ мой тоже съ признательностью принимаетъ ваше предсказаніе: онъ живетъ по совѣсти, а совѣсть чувствительная и правдолюбивая—драгоцѣннѣйшій даръ Провидѣнія. Благодарю васъ купно за извѣстія, которыя вы мнѣ даете о жизни и занятіяхъ вашихъ; ожидаю съ нетерпѣніемъ вашу исторію, дабы бесѣдовать съ предками. Прошу васъ увѣрить супругу вашу въ моей дружбѣ. Пребываю вамъ, какъ и всегда, преданная

Екатерина.

1818 годъ.

XXV.

Стутгардъ, $\frac{10 \text{ февраля}}{29 \text{ января}}$ 1818 г.

Одна дружба преодолѣваетъ разстоянія; письмо ваше, Николай Михайловичъ, отъ Ноября мѣсяца много меня обрадовало, будучи доказательствомъ вашихъ непоколебимыхъ ко мнѣ чувствованій, и я сдѣлалась слишкомъ стара, чтобы мѣнять старыхъ своихъ друзей на новыхъ. Россійскіе мои пріятели всѣхъ мнѣ милѣе и вы давно знаете мѣсто, которое вы въ средѣ ихъ занимаете.

Поздравляю васъ съ рожденіемъ сына и рожденіемъ дочери—славной Исторіи Россійской; съ нетерпѣніемъ ожидаю ее, дабы возобновить знакомство съ тѣми отрывками, которыми вы утѣшали нерѣдко Тверскія наши собранія, и дабы побесѣдовать съ предками. Я тоже ожидаю прибавку въ семьѣ своей; дѣти мои, благодаря Бога, ростутъ и надѣюсь будутъ добры.

Прошу васъ въ *философической* вашей *праздности* чаще ко мнѣ писать и быть увѣреннымъ, что никто болѣе добра вамъ и любезной вашей супругѣ не желаетъ какъ вамъ преданная

Екатерина.

XXVI.

Стутгардъ, $\frac{5 \text{ мая}}{23 \text{ апрѣля}}$ 1818 г.

Николай Михайловичъ! послѣдняя почта доставила мнѣ Россійскую вашу Исторію; старый мой знакомый мною былъ

съ большимъ удовольствіемъ принятъ; каждый день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды,—пріятеля благодарю за то, что онъ обо мнѣ вспомнилъ. Милой вашей супругѣ прошу сказать, что она должна материнскимъ сердцемъ принять сихъ восмерыхъ новыхъ отроковъ, которые имѣютъ преимущество безсмертія. Король поручилъ мнѣ вамъ сказать, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ перевода, дабы познакомиться съ моими предками. Живите счастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старыхъ своихъ друзей, въ числѣ которыхъ всегда прошу считать вамъ преданную

Екатерину.

XXVII.

Стутгардъ, $\frac{13}{1}$ ноября 1818 г.

Съ большимъ удовольствіемъ я получила черезъ матушку письмо ваше, Николай Михайловичъ. Благодарю васъ за оное, какъ и за прежнее отъ 31 мая; дружба и память ваша (говорю тоже какъ вы въ двойственномъ смыслѣ) мнѣ весьма пріятны; благодарю васъ и за участіе, которое вы берете въ умноженіи моего семейства. Богъ далъ мнѣ дочь, здоровую, милую; вообще не знаю чѣмъ я заслужила всѣ Его ко мнѣ милости; счастіе мое совершенно, не имѣю другаго желанія, какъ чтобы оно продолжалось. Двѣ недѣли мы здѣсь наслаждались удовольствіемъ видѣть матушку, теперь ожидаемъ Михаила Павловича, потомъ Константина Павловича, а въ началѣ будущаго мѣсяца Государя и Государыню; не боюсь надоѣсть вамъ описываемою радостью, вы меня пріучили говорить съ вами откровенно. Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобъ то было къ лучшему.

Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій Германскихъ, которыя не иное, какъ совершенный вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить *вѣсъ* словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ, вотъ лучшая конституція. Читаю и наслаждаюсь вашей исторіей, но не прогнѣвайтесь: печать очень худа глаза портитъ: жаль потому, что книга голову наполняетъ хорошими вещами. Поклонитесь отъ меня милой вашей супругѣ, которую я всегда всѣмъ сердцемъ люблю. Король поручилъ мнѣ васъ благодарить за все то, что вы ему ласковое говорите. Не забывайте меня и вѣрьте всегда, что никто болѣе меня вамъ добра не желаетъ.

Е.

1-50

DK 190.6 .C2 A3
Pisma Velikoi kniagini Ekateri
Stanford University Libraries
3 6105 041 482 592

Stanford University Libra
Stanford, California

Return this book on or before date d